

Кирилл Шатилов

ЗИМНЯЯ ЖАРА

Реальное фэнтези
— Том II —
Красный снег

Кирилл Шатилов

**Зимняя жара. Реальное
фэнтези – Том II – Красный снег**

«Издательские решения»

Шатилов К.

Зимняя жара. Реальное фэнтези – Том II – Красный снег /
К. Шатилов — «Издательские решения»,

Роман-сага «Зимняя жара» — независимое продолжение цикла «Многоликий странник» о жителях страны Торлон. Здесь нет ничего от привычного фэнтези: ни чудес, ни драконов, ни колдовства. Но это фэнтези в прямом смысле слова: Торлона нет и никогда не было, он рождён фантазией, однако при этом он не сказка, а быль, которую хочется увидеть, послушать, потрогать и даже взять на память. Этот мир окутала долгая зима. Когда-нибудь она закончится, но, как говорили встарь, тьма перед рассветом сгущается.

© Шатилов К.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Зимняя жара
Реальное фэнтези – Том II – Красный снег
Кирилл Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2016

© Кирилл Шатилов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первой мыслью Ротрама было предположение, что сбылись его худшие опасения, и к ним в терем пожаловали виггеры, присланные замком, который узнал о ночном происшествии с убитым фра'ниманом.

– Сколько их? – на всякий случай уточнил он, сбрасывая полотенце и поспешно просушивая руки и ноги в привычную одежду, теплую, влажную и распаренную.

– Никто в точности не знает. Целая тьма, – мямлила Шори, кусая губу.

– Тьма? – Он прислушался. – И где же они?

Девушка неопределенно махнула ножом куда-то за спину.

– Там...

– Во дворе что ли? Говори складно!

– Не во дворе... там...

Ротрам бросил уже сосредоточенный и почти спокойный взгляд на Кади. Та смотрела на него взволнованно, однако, без страха. Молодец! Никогда нельзя терять самообладания.

– Шори, помоги ей одеться и отведи к себе. Когда я выясню, что к чему, зайду за вами. Кади, будь с ней.

– Хорошо. А с тобой мне пойти нельзя?

– Нет, – отрезал он, слишком хорошо понимая, что не должен раскисать. Даже когда все силы остались в ней и хочется просто лечь и заснуть. – Нет, я приду скоро. Ждите. И никуда не высовывайтесь.

На улице его разом охватил жгучий холод. Солнце было уже довольно высоко, по синему небу ходило несколько белобоких туч, и снег под ногами не хрустел, как на сильном морозе, а скорее причмокивал, подтаивая. Не успевшая просохнуть одежда липла под шубой к телу и заставляла ёжиться.

Он побежал к главному входу, чтобы оттуда подняться под самую крышу, выше крыши, на дозорную башенку, где сейчас, как он мог заметить с земли, уже собралось несколько человек, кроме несших там дневную службу сторожей. Они смотрели куда-то в сторону, тянули руки и о чём-то спорили, перебивая друг друга.

При входе он наткнулся на выбежавшего навстречу Биртона. Близко посаженные глаза последнего сверкали нехорошим огнём.

– Ты уже знаешь?

– Слышал. Пошли со мной, сверху поглядим.

– Видел уже, – буркнул Биртон. – С меня хватило. Я к своим. Нужно всех предупредить. Потом вернусь. Пересечёмся ещё.

– Что там?

– Увидишь...

Пока он стремительно поднимался по лестнице, в груди предательски стучало, голова кружилась от мельтешни неуловимых мыслей. Неужели случилось то, чего все боялись? Неужели шеважа отважились выступить войной? Зимой? Кто бы мог подумать! Или это не шеважа?.. Ведь были же не так давно разговоры о том, что какие-то странные всадники напали на строителей большой печи возле глиняного карьера. Никто тогда не стал их преследовать. Решили просто свернуть строительство и разойтись по домам. А надо было бы. Просто так из ниоткуда всадники не появляются.

Сверху поспешно спускались кое-кто из вчерашних гостей. Кажется, этого бледного зовут Уверт, он помощник главного рудокопа. Рядом с ним семенит Вори. Оба явно напуганы, хотя пытаются этого не показывать.

– Остальные уже ушли? – машинально спросил он, хотя сейчас их ответ очень мало его интересовал.

– Благодарим за постой, вита Ротрам. Да, вы правы, мы расходимся. Надеемся, наши договорённости останутся в силе.

– Я тоже.

Он продолжал восхождение, не оглядываясь.

На третьем ярусе главная лестница заканчивалась. На крышу, точнее, на дозорную башню можно было попасть по приставной. Она ждала его в конце коридора между двумя комнатами, где они накануне так хорошо поговорили и отдохнули. Теперь по коридору гулял

холодный сквозняк, потому что те, кто сейчас шумели на крыше, в спешке забыли закрыть за собой люк.

Он тоже забыл обо всём, когда выбрался на промозглый ветер и с трудом перевёл дух. Уже не тот возраст, чтобы по лестницам бегать. Раньше бы этого подъёма даже не заметил. Сейчас же в глазах темнело и хотелось на что-нибудь присесть.

Вместо этого он остался стоять, как стоял, обратясь лицом навстречу ледяным порывам и не замечая слёз, которые ветер выдавливал из глаз и размазывал по щекам.

Вдали, почти у самого горизонта, очерченного сверкающими водами Бехемы, разлилась огромная чёрная лужа. Она зыбилась странными разноцветными переливами, никуда не двигалась, но заполняла собой всё пространство между рекой, опушкой Пограничья и тем местом, где высились останки недостроенной печи. Чёрная лужа была живой и страшной. Потому что, протерев слезящиеся глаза и зажмурившись от яркости лежащего на крышах снега, Ротрам явственно различил, что это никакая не вода и не тень от леса, а невиданное доселе скопление всадников, лошадей, повозок и реющих над ними длинных флагов.

– Гости пожаловали? – услышал Ротрам собственный голос.

Только тут он заметил, кто стоит рядом: Бокинфал, двое дозорных, имена которых внезапно вылетели у него из головы, и Фелла. Девушка сегодня была как-то особенно хороша, дышала глубоко, смотрела, не отрываясь, на далекое полчище, и Ротраму даже показалось, что она улыбается. Она была с непокрытой головой, как и Бокинфал, и ветер иногда украдкой переплетал их длинные волосы.

– Плохи наши дела, – ответил один из дозорных, сдвигаясь в сторону, чтобы дать Ротраму побольше места. – Это не шеважа, а не поймешь кто.

– Великаны, – поддакнул второй. – Такие здоровенные, что мы их отсюда разглядеть можем. Я думал, народ сказками балуется. Ну, в смысле про ту стычку у карьера. А теперь сам вижу. Жуть. Смотреть не хочется.

Ротрам покосился на него и признал крепыша Нола. Как ни странно, в его словах не было страха. А вглядывался он вперед, скорее, с интересом, нежели с трепетом. Разве что арбалет по привычке держал наперевес, будто в случае чего был готов стрельнуть в недостижимого врага. Пока недостижимого.

– Здесь дожидаться будем или навстречу пойдем? – смачно сплюнул первый. Ротрам вспомнил и его имя – Логен. Широкая борода его заиндевели и казалось, вот-вот переломится.

– Чему вас только в сверах учили, – не сдержался Бокинфал, косясь на Феллу. – Тебе лишь бы выдвинуться на врага да мечом помахать. Но ты ведь сам видишь, что это не дикари лесные. В чистом поле они нас как кошек потопчут. Так что придется делать вид, что мы на заставе сидим, и оборону занимать. Таким порядком нас не сразу всех перебьют. Что будем делать, вита Ротрам?

– Ты и сам всё, похоже, знаешь. Отбиваться будем, если что.

– Если что? – переспросила Фелла.

– Если вся эта каша на нас пойдёт, – без улыбки пояснил Бокинфал. – Думаю, это произойдет скорее, чем нам хотелось бы. Так как решим, вита Ротрам? Ни про что такое я никогда в летописях не читал, а если читал, то сейчас не упомяну. Обычно мы нападали, если уж нужда заставляла. Видать, пришло наше время ответ держать.

– Интересно, есть у них огонь? – задумался вслух Нол.

– Ещё как есть! – снова сплюнул Логен. – Ты что, костров не видишь?

– Тогда нас пожгут...

Ротрам отвернулся и теперь смотрел на замок.

Башня Меген’тор непоколебимо высилась над высоченными каменными стенами. Хорошо было видно, что на стенах полным-полно людей, по большей части воинов. Он никогда не предполагал, что их так много. В обычное время лишь два-три дымка в небо подни-

малось – там, где дежурили дозорные. Сейчас вместо них горел один-единственный костер – на вершущке Меген’тора. Столб дыма вздымался к самым облакам, словно не замечая порывов ветра. Над заснеженным Пограничьем ему беззвучно вторили один, два, восемь, десяток таких же дымов, казавшихся отсюда слабенькими струйками. О появлении врага уже знали во всём Торлоне. Только что это могло изменить? Даже если все *эльгяры*¹ со всех застав разом пожалуют домой, побросав свои укрепления на радость шеважа, их не хватит, чтобы противостоять этому грозному воинству. Пожалуй, Бокинфал по большому счету прав: собираться в кучу и идти на врага будет глупо. Очень хорошо, если в замке это тоже понимают. Ракли наверняка отдал бы команду «собираться в один кулак и крушить гадов», он любил храбрые решения и открытые поединки, но его уже давно как нет, можно сказать, к счастью, а нынешние военачальники пока только тревогу поднимают – старую солому жгут. Бросили бы клич, было бы по меньшей мере два дыма. Значит, выжидают. Им-то там за стенами хорошо. Чтобы к ним прорваться, неприятелю, кем бы он ни был, придется преодолеть живой заслон из множества домов и домишек, хозяева которых непременно окажут посильное сопротивление. Правда, если враг коварный и сметливый, то Нол может оказаться прав: стая огненных стрел – и заслон сам собой падёт вместе с защитниками. До сих пор их тут спасало только то, что единственный извечный враг, шеважа, не умели пользоваться огнём. Не так давно они научились, но ещё не до конца раскусили все его прелести, а тут как раз зима подоспела, так что им пока не с руки покидать Пограничье и нападать на Вайла’тун. Эти ребята посерьёзнее будут. Действительно, крупные по виду. Не великаны, конечно, у страха глаза велики, но крупные. Эх, жаль, что Хейзит не успел осуществить свою такую простую и нужную задумку! Сейчас бы у них уже и печь была, и камней глиняных вдоволь. Можно было бы чуть ли не весь Вайла’тун каменной кладкой обнести да избы начать перестраивать, чтобы их так просто огонь не взял. Не сложилось. Шилоху тоже не один день понадобится, чтобы производство наладить. Если у него вообще что-нибудь из этой затеи выйдет. Что ж, придётся отбиваться, как получится.

– Здесь останемся, – сказал Ротрам, ободряюще кивая Фелле. – Пойдут на нас, всех разом не перебьют, это точно. Посражаемся. Нам, кажись, не привыкать.

– Тэвил, – в третий раз сплюнул Логен, попав себе на бороду. – Хорошо, что у меня никого нет.

Да уж, можно только позавидовать, подумала Фелла, кутаясь в шубку и осторожно спускаясь по лестнице в тёплый по сравнению с улицей дом. В том, чтобы ни за кого, кроме себя, не нести ответственность, есть определенная прелесть. Пока был жив отец, она тоже могла себе позволить жить собственными чаяниями и заботами, но с некоторых пор всё изменилось, ей пришлось быстро повзрослеть и сделаться опорой прежде всего для своего непутёвого брата. Который даже сейчас неизвестно где носится.

– Ты не знаешь, куда спрятался Том? – оглянулась она на спускающегося следом за ней Бокинфала.

– Думаю, он никуда не прятался. С утра был с нашими. Валбур его в беде не оставит.

Валбур. Хороший парень. Том в него просто влюблён. Они на удивление быстро спелись. Да и поёт он, кстати, как выяснилось, недурно. Даже нехорошо, что она к нему совсем равнодушна, чего, однако, не спешит показывать, чтобы не огорчать беднягу. Варежки вот подарил тёплые. Греют хорошо. Жаль, что после этой ночи она нигде не может шапчонку найти, которая к ним прилагалась. Обидно. Надо будет ещё поискать. Судя по всему, время есть. Если Биртон не пошутил, как он иногда это любит, их с Томом приглашают остаться здесь на неопределенный срок. О причинах Биртон упомянул, но она его не очень поняла. Кроме того, что ненавистный ей фра’ниман будто бы мёртв. Если так, то поделом ему. Если бы давеча не подоспела неожиданная помощь, его люди наверняка расправились бы с ними. Намерения

¹ Полное название – линт’эльгяры, т.е. защитники застав

и ножи у них были весьма красноречивыми. О чём это я? Всё, что происходило до сих пор – в далёком прошлом. С крыши она только что видела их ближайшее будущее. По сравнению с теми всадниками самый жуткий фра’ниман может показаться невинной душкой. Если только, если только...

– Ты сможешь мне найти Тома?

– И даже не потребуя за это поцелуя, – поклонился Бокинфал.

– Мы пойдём к твоим братьям?

– Не в том смысле, в каком мне бы того хотелось, но отчасти ты права: теперь моими братьями стали грубые вояки и драчуны, а не те добронравные и размеренные господа, которые умели с таким вдохновением сражаться пистолетами и кожаными рукописями.

– Ты разве не рад, что сменил оружие?

– Это случилось само собой, помимо моего желания. Оказалось, что я гожусь не только на то, чтобы записывать ход событий, но и по мере сил и наглости влиять на него. Ты куда?

– Погоди, мне нужно кое-что проверить.

Фелла забежала в свою недавнюю спальню и придирчиво пересмотрела все шкафы на широкой кровати, потом обследовала пол и углы, и, в конце концов, отыскала свою миленькую вязаную шапочку только тогда, когда удосужилась заглянуть в мешок, где хранились линги.

– Нашла. Можно идти.

Несмотря ни на что, ей было приятно сознавать, что своим теперешним видом она доставит Валбуру удовольствие. Для неё он был куда милее и приятнее, чем тот же Кендр, приятель Биртона и торговец оружием, который на недавнем дне её рождения решил, что ему по праву гостя всё позволено и попытался навязаться к ней в собеседники аж до самого утра. Конечно, все гости остались у них ночевать – не выгонять же их на холод, но это был отнюдь не повод забираться к ней под одеяло. Кажется, она его больно стукнула, после чего охотно извинилась, однако Кендр понял свою ошибку и больше рук не распускал.

О чём это она? При чём тут Кендр и её строгие привычки? Мужчины сейчас должны интересоваться её разве что как храбрые защитники. На улице такое творится!..

Линги она решила оставить в комнате. Если они никуда не уходят, зачем таскать их с собой?

Воины толпились во дворе перед главным теремом. Ей бросился в глаза сухопарый лысый старик с седой бородёнкой. При виде Бокинфала он громко окликнул его и велел больше не пропадать. Она не могла не заметить, что её внезапное появление вызвало в мужчинах знакомое волнение. Некоторые помрачнели, другие, наоборот, восторженно заулыбались, третьи в смущении отвернулись. Все они были рослые, плечистые и на редкость легко одетые. От непокрытых голов поднимался пар.

Бокинфал оказался в центре внимания. Он видел то, о чём они, судя по всему, только что услышали и ради чего побросали свои занятия.

– Фелла! Ты была на башне? – Ей под ноги выкатился Том. – Их там много?

– Очень, – призналась она и поискала глазами Валбура, с которым последний раз разговаривала накануне вечером. Едва ли сейчас подходящее время, чтобы благодарить его за избавление от злосчастного фра’нимана, но ей захотелось увидеть его простое открытое лицо и хоть на время почувствовать себя в безопасности. – Ты знаешь, что мы тут остаёмся?

– Остаёмся? Вот здорово! Здесь нам ничего не угрожает. Смотри, какие у меня теперь друзья! Кого хошь поломают! Валбур!

А тот уже стоял рядом и взирал на Феллу исподлобья, явно стесняясь посторонних.

Тем временем Бокинфал оказался, если так можно выразиться, во втором центре внимания: друзья по оружию обступили его плотным кольцом и о чём-то оживлённо переговаривались, вероятно, выясняя положение неведомого врага и прикидывая свои дальнейшие действия. Том, как ни странно, остался с сестрой, а Валбур, кивнув ей, присоединился к ним.

– Ты уже слышал про Улмара? – спросила Фелла и удивилась выражению на довольном лице брата. – Слышал?

– Кое-что. Теперь ты свободна.

– Ну, не совсем. Ротрам нас приютил пока, но ты же знаешь, что нам до конца ни на кого нельзя полагаться...

– ... кроме нас самих.

– Вот именно. Обещай мне, что не будешь делать никаких глупостей и никуда отсюда не сбежишь.

– А куда и зачем не бежать?

– Том, ты меня понял! Кстати, где ты ночевал? У Валбура?

– Да, у ребят. У них там много общих комнат. Показать?

– Как-нибудь в другой раз.

– Ну, вообще-то, если ты хочешь быть в безопасности, то тебе тоже лучше держаться к ним поближе. Знаешь, какие они тут все силачи! Я поднять эти штуковины не могу, а они ими перебрасываются. Я тоже хочу быть сильным. Мы надолго здесь останемся?

– Если бы я знала. – Она пожала плечами, продолжая краем глаза следить за мужчинами. – Ты ведь понимаешь, как всё может в любой момент обернуться? Там такое воинство против нас собралось, что нам, похоже, несдобровать...

– Я тоже хочу посмотреть! Я мигом!

Том сорвался с места, и она не успела его ни за что ухватить. Голова у сорванца всегда работала быстро и непредсказуемо.

Внезапно оставшись совершенно одна, Фелла в нерешительности огляделась. Она представила себе, что может произойти, если те могучие всадники перестанут топтаться на месте и получат приказ атаковать Вайла'тун. Смогут ли Стреляные Стены их остановить? Справятся ли с врагом мерги и считавшиеся до сих пор непобедимыми сверы? Она не знала. Она надеялась. Сейчас она особенно остро почувствовала себя женщиной. Потерянной и одинокой. Обремененной заботами, которые очень хотелось бы переложить на других. Чтобы разобраться наконец-то в себе и принять какие-нибудь важные для дальнейшей жизни решения. Разумеется, она размышляла об этом и раньше, но сейчас, похоже, наступило особое время. У неё нет никого, кроме младшего брата, и если с ним что-нибудь случится, она понятия не имеет, сможет ли это пережить. Он, единственное, что у неё осталось от той прежней радостно-безрассудной жизни, когда были живы их родители. До сих пор им с Томом просто очень везло. То, что сегодня утром рассказал ей Биртон, сбивчиво, явно не договаривая, повергло её в тихий ужас, превозмочь который помог другой ужас – увиденного с высоты башни. Только сейчас до неё дошел смысл его слов «Похоже, эти выродки хотели принести тебя в жертву». Выходит, Улмар не просто сводил с ней счёты из-за того, что в своё время не добился ни благосклонности, ни денег. Кто-то ещё стоял за ним, кому она понадобилась для каких-то своих целей. Это означало, что с его смертью для неё может ничего и не кончиться. Но почему? Кто и чего от неё хочет? Где она оступилась? Кому перешла дорогу? Какая жертва? Для чего? Фелла слышала, что жертвы своим героям, которые и не герои вовсе, а просто предки, будто бы приносят дикари из Пограничья. Но ведь не на них же не покладая рук трудился Улмар. Героям вабонов жертвы не требовались. Тем более человеческие. Рукотворные требы в виде всяких вкусностей, питья да цветочных плетёнок не в счёт. Значит, тут что-то другое. От чего веяло чужим, холодным и страшным...

– Не замерзла?

Фелла настолько задумалась, что не заметила, как подошел Валбур. Остальные воины уже спешили во все стороны по своим делам, вернее, по тем делам, о которых они только что договорились.

– Твои подарки хорошо согревают, – улыбнулась она.

– Я рад...

– Ты уже видел, что там творится? – Она кивнула себе за спину.

– Нет. Том туда побежал?

– Слушай, я как раз хотела тебя попросить. Понимаю, что у тебя забот хватает, но ты мог бы за ним присмотреть?

– Ротрам вас не выпускает?

– Предложил остаться. Ты тоже считаешь, что так лучше?

Он смотрел на неё вопросительно и молчал. Она легко читала его мысли по взгляду и ждала.

Валбур видел перед собой красивую девушку, с виду совершенно не потревоженную только что обрушившимися на них вестями. На её месте он бы сейчас, вероятно, заламывал в отчаянии руки и прятался в тереме, скуля и стеная от ужаса перед слишком очевидным грядущим, а она стоит тут и спокойно разговаривает с ним, будто ничего ровным счетом не происходит. Даже самому стыдно становится за первую волну паники, которая накатила на него, когда он впервые услышал крики дозорных. Наверное, он слишком отчетливо, в отличие от неё, представлял себе, как пронзается грудь кинжалом, как выплевывается из раны густая кровь, как топор разрубает оружием лицо, как хрустят ломающиеся кости и как только что живой человек превращается в безвольную, но уже никому не нужную куклу.

– Я считаю, мы все должны держаться вместе, – сказал он, отворачиваясь. – Если тебе что-нибудь понадобится, можешь на меня положиться.

– Это я знаю.

Он воспрянул духом и замешкался, хотя явно собирался уходить.

– Вон там, на углу, слева, дверь к нам. Том может у меня ночевать, как этой ночью. Он хороший парень растет, смелый. Я его в обиду не дам, не переживай. Трудно сказать, где теперь безопаснее, в тереме или у нас, но ты, если будет желание, можешь тоже сюда перебраться. И к земле ближе, и теплее поди.

– Что вы решили делать? – спохватилась она, заодно меняя тему.

– Будем ждать. Дозорные, если что, дадут нам знать, когда и куда враг направится, а мы встретим его на стенах. Тут многим не впервой. Думаю, на день-другой осады нам силёнок хватит.

Ей вспомнилось черное переливающееся пятно вдали, и она с грустной улыбкой покачала головой.

– Такую толпу этот забор не остановит. Их там очень много.

– Эй! Я тут! Смотрите!

Это махал руками и кричал им с башни ликующий Том. Он ещё никогда не забирался так высоко. Даже деревья, по которым он ловко лазил, когда они с отцом ходили ловить белок в Пограничье, казались ему сейчас маленькими кустиками. Отсюда открывался поразительный вид на весь Вайла'тун. Да что там Вайла'тун – на весь Торлон! Страна башен! Он впервые видел за раз столько дымов. Дымы поднимались живыми столбами к небу повсюду. Даже над замком, увенчанным могучей башней, карабкался вверх густой поток дыма, гордо показывая всем свою мощь в противоборстве с порывам бездумного ветра. У Тома от восторга перехватывало дыхание. Он кашлял, смахивал с глаз непрошеные слёзы и жадно смотрел вокруг, пытаясь запечатлеть в памяти эту поразительную картину отваги вабонов и грядущей сокрушительной победы. Победы над теми, кто отважился покуситься на их свободную жизнь и теперь топтался в нерешительности там, на белом заснеженном поле. Горстка непрошенных гостей, возмнивших, будто им по силам запугать Тома и его новых друзей. Теперь, когда они с Феллой больше не одни, он ощущал себя так, как должны были ощущать себя легендарные герои, в честь кото-

рых по всему Вайла'туну воздвигались каменные луковницы *беор*² и которые сумели своими делами заслужить вечную память в сердцах потомков. Сегодня настал их черёд. Сегодня они должны будут доказать, что не напрасно сложили свои храбрые головы Адан, Дули, Кедик, Лаирт, Оган, Эриген, Рилох и многие другие. Сегодня им предстоит лицом к лицу встретиться со своими страхами, с неведомым врагом (поскольку даже Том отчетливо видел, что это грозное воинство не может быть сборищем лесных дикарей), врагом, не убоявшимся зимней стужи и пришедшем помериться с ними силами. Они готовы вступить в спор. Они...

Он отвернулся от очередного порыва обжигающего ветра и глянул в противоположную сторону. Там, где постройки становились всё реже и реже, переходя в холмистую равнину с одинокими избами и жиденькими перелесками, он с изумлением увидел медленно, но непоколебимо приближающуюся людскую массу, безмолвную и нестройную, без флагов и устрашающих криков, вооруженную кто чем, по большей части топорами да вилами, угрюмую и неотвратимую. Стоявшие рядом с Томом дозорные не сразу, но тоже заметили их.

– Фолдиты! – крикнул один, смачно сплёвывая.

– Откуда они узнали? – поразился второй. – Чтобы досюда дойти, им нужно было выступать ещё ночью. Ну, дела!

– Да уж, в самый раз подоспели.

– Не понимаю я чего-то...

– Брось, Нол, теперь это уже неважно. Надеюсь в замке видят то же, что и мы. Гляди, сколько там воинов по стенам околачиваются. Если не побоятся с фолдитами объединиться, мы этим чёрным гадам покажем!

– Кто бы сомневался!

Том их не слушал и не пытался понять, что происходит. Его острый взгляд даже на таком расстоянии различал в разношерстной толпе отдельных её представителей и убеждался в том, что едва ли эта своевременная подмога произведет на врага должное впечатление. Фолдиты, насколько он знал по рассказам знакомых, не понимали толка в хорошей драке. Они с утра до ночи только тем и занимались, что копались в земле, и не умели ничего, кроме как вспахивать поля тяжелыми плугами да разводить всякую живность. Что они смогут своими вилами? У Пограничья собрались полчища всадников, закованных в броню. Они перетопчут большую половину фолдитов одними только конями.

Действительно, странно... Только что ему казалось, будто враг не спроста мешкает, что ему несдобровать перед доблестными защитниками Вайла'туна, а теперь, когда на подходе вот она, нежданная помощь, он внезапно начинает осознавать всю слабость их теперешнего положения. Нет, сам он не боится, он просто осознаёт. Фелле понравилось бы. Она считает его безрассудным. Думает, он ещё не вырос из детских забав. Нет, она ошибается.

– Том, спускайся оттуда! – окликнула его крохотная с такой высоты сестра, не подозревая, какая перемена только что произошла в его озябшей душе. – Не лучшее время, чтобы простужаться!

В отличие от него, она ещё не знала о подходящих силах фолдитов, точно также как он не имел ни малейшего представления о том, что происходит в это самое время в разных уголках Торлона.

Ротрам гладил волосы лежавшей у него в объятьях Кади и думал, правильно ли он поступил, отправив в замок тайного гонца.

Хоуэн как раз подходил к своему дому, собираясь покинуть его, теперь уже навсегда.

Шори, преодолевая страх, помогала на кухне раскрасневшейся Маре готовить никем пока не отменённый обед.

Валбур смотрел на Феллу и понимал, что должен сказать ей что-то очень важное.

---

² *Беора* – часовня культа героев, имеет форму перевернутой луковницы и напоминает шлем мерга

Мев заливала горячей водой смрадные пеленки и поглядывала через плечо на подругу. Шелта купала сына и тихо напевала.

Эша, подруга Феллы, плакала, потому что весть о готовящемся нападении застала её врасплох, и она догадалась, что сегодня Буллона ей не дожидаться.

Другая её подруга, Дэлсин, напротив, находилась в обществе обоих братьев, но от этого ей не было легче. Смирл заявил, что они обязаны что-нибудь предпринять, кроме бегства. Пент уточнил, что видел, как их соседи уже собрались и потянулись в сторону замка. Имело смысл последовать их примеру.

В каркере, где совсем недавно сидел Валбур, стояла странная тишина. Никто не просил выпустить его на свободу, никто не бил кулаками в дверь. Казалось, даже воспоминания об узниках покинули это злосчастное место. Неизменной оставалась только вонь от испражнений да двух-трёх разлагающихся трупов.

Кендр чувствовал себя на седьмом небе. Торговля никогда ещё не шла у него так бойко. Краем глаза он замечал, что столпотворение коснулось и его любимых конкурентов. Как будто весь рынок решил во что бы то ни стало вооружиться. Торговцы посудой уныло наблюдали за происходящим. А некоторые, заразившись настроениями толпы, покинули свои лавки и тоже тянули жадные руки к пустеющим прилавкам с дорожными мечами и изящными, прочными кольчугами. Других уже просто не осталось.

Закра, сумасшедшая прорицательница, бродила по колена в снегу, засыпавшему лёд так полюбившегося ей в последнее время канала и роняла капли крови из пореза на ладони, приговаривая:

– Красный снег! Красивый снег!

Сейчас никто не обращал на неё внимания.

Санка, маленькая подружка Тома, хныкала, потому что строгая мать запретила ей сегодня выходить на улицу, и теперь она была вынуждена сидеть взаперти и играть надоевшими тряпочными куклами. Ей очень хотелось пойти на соседнюю горку, где вчера они с ребятами так замечательно провели весь вечер.

В это же самое время в Обители Матерей привратница Дагна, молодая и статная, с длинной, гибкой спиной и широкими плечами, на которые двумя змеями-близняшками спадали туго заплетенные русые косы, опускала тяжелый мост через ров. Проехать по нему готовились многочисленные санные подводы, в которых сосредоточенно молчали её подруги, гардианы, получившие приказ Матери Синей башни почти в полном составе отправляться на помощь защитникам Вайла'туна. Сама Кармита сидела сейчас под землей, в Силан'эрн, Зале молчания, слушала допущенных сюда матерей, прятала морщинистое лицо под капюшоном и терзалась сомнениями о том, правильно ли поступила, безропотно согласившись оставить Обитель почти без возможности самостоятельно обороняться. Ослушаться она не могла, ибо таково было распоряжение Самого, восседавшего на своем обычном месте в глубокой нише и безучастно прислушивавшегося из-под алого капюшона к потерявшим смысл спорам.

По коридорам подземелья бегали крысы, потревоженные начавшимся здесь с недавних пор оживлением. Множество ног торопилось в обе стороны, точнее, во все стороны, куда бы крысы ни пытались улизнуть, предпочитая темень и тишину слепящему свету факелов, шуму возбужденных голосов и поднятой с пола пыли. Откуда крысы сбежали окончательно и где не рисковали показывать свои приносящиеся носики так это от оставшихся незапертыми дверей в съестные подвалы Меген'тора, главной башни замка. Здесь исчезало и появлялось большинство суетливых ног.

Скелли, главный писарь, добровольно заточил себя в одной из коморок и оттуда прислушивался к происходящему в тускло освещенной зале, где остальные писари выслушивали приходящие отовсюду доносы о текущем положении вещей и заносили эти сведения в специальные свитки, которые ему самолично предстояло впоследствии просмотреть, выбрать необ-

ходимое и передать в работу Оррику и Буртону, его доверенным летописцам, иногда лепившим непростительные ошибки, но зато обладавшим превосходным умением использовать всякие обтекаемые конструкции и обороты, зачастую приводящие читателя в некоторое недоумение по поводу смысла прочитанного, но зато позволяющие делать многозначительные выводы. Скелли не было страшно. Он прекрасно знал, что рано или поздно этим должно всё кончиться, и теперь ему казалось, будто он спит и видит не самый приятный сон.

Высоко-высоко над ним, на каменной стене замка, обращенной ко вражескому полчищу и промозглому ветру, кутался в свой легкий плащ Гийс. Он тоже не боялся того, что видел. И не только потому, что его окружали лучшие из лучших сверы и лучшие из лучших мерги. Он просто разучился бояться. Преодолев то, что преодолел он ценой своей совести и доброго имени, едва ли кто станет изматывать себя никчёмными мыслями о смысле жизни и последствиях её утраты. Появление непрощенных гостей он обнаружил одним из первых. Вглядываясь сейчас в реющие над головами далёких всадников длинные стяги всех возможных цветов, он думал о том, как бы на его месте поступил отец.

Отец был мёртв, он знал это наверняка, но после лютой смерти от родной руки Демвер Железный стал гораздо ближе к сыну, почти не отпуская его от себя и то и дело напоминая о своём незримом присутствии. Вот и теперь он стоял где-то рядом, одинокий, с залитой кровью грудью, и прятал под высоким воротником ликующую улыбку.

За его спиной, из маленького окошка на самой вершине главной замковой башни, носившей гордое звание Меген'тор, выглядывал насмерть перепуганный некрасивый юноша с вечно полуоткрытым ртом и сопровождавшими его повсюду дурными запахами лука и лежалого сена. Даже здесь, в замке, они не выветрились из его нарядной одежды, настолько роскошной и цветастой, что через неё хозяин заслужил прозвище Павлин. На самом деле Павлина звали Кадмон, он был сыном самого богатого человека в Вайла'туне и вот уже который день жил в этих стенах на правах будущего законного правителя. Мать сказала, что он станет им после того, как они с Анорой, этой не слишком привлекательной во всех отношениях девицей с белобрысой чёлкой, сыграют свадьбу. Лично он между этими двумя событиями никакой связи не наблюдал. Ему нравилось обитать в самой высокой во всём Торлоне башне, нравились открывающиеся отсюда виды, ощущение недостижимости и безнаказанности, возможность не просыпаться с первыми петухами, которые здесь просто не слышны, служанки, ещё более сговорчивые, чем дома, одним словом, его устраивало всё, кроме двух перспектив: скоропалительной женитьбы и вида вражеского войска, угрожающего одним махом покончить со всем, к чему он привык в этой жизни. Если бы можно было выбирать, он бы даже остановил свой выбор на женитьбе, но, похоже, сейчас его мнение никого не интересовало.

В комнате, помимо него, была та самая Анора, общества которой он искал меньше всего, и могучий бородач Мунго, главный лекарь замка, только что зашедший её проведать после ночного промывания желудка. Анора как ни в чем не бывало возлежала, занимая собой постель, где, вероятно, были зачаты все предыдущие властители Вайла'туна и где Кадмон уже навострился принимать послушных его однообразным прихотям девиц. Она была частично раздета, хотя и меньше, нежели ей самой того хотелось, а Мунго своей ручищей ощупывал её мягкий живот и нашептывал увещания в скорой поправке. Если только, разумеется, она впредь воздержится от употребления такого количества жареного мяса с черникой.

– В любом случае, – говорил он, – вам нужно сейчас больше пить.

– Похоже, скоро мы все напьемся, – буркнул Кадмон, отворачиваясь от поразившего его зрелища и закрывая окошко плотной внутренней ставней, обитой толстой подкладкой.

– Ты напустил холода, – обиженно упрекнула его Анора.

– Зато я увидел скорый конец твоим мучениям, дорогая.

– Напрасно вы её пугаете, – неторопливо заметил Мунго, отнимая руку от порозовевшего живота и без особого сожаления закрывая его одеялом. – Ничего страшного не произойдёт.

– Но вы даже не взглянули на них! – воскликнул Кадмон. – Там их столько, что когда они нападут...

– Но они же не нападают. – Мунго пригладил чёрную бороду, только сейчас в его взгляде, обращенном на юношу, проснулся некоторый интерес. – Когда дикая кошка хочет задрать лань, она не показывает себя раньше времени, а просто набрасывается на неё.

– Дикая кошка? – Анора с удовольствием повернулась на бок, отчего одеяло снова съехало с её бедра и показало бледную ягодицу. – Где вы её видели, Мунго?

– Если бы я её видел, то сейчас вряд ли разговаривал бы с вами, – усмехнулся лекарь, поднимаясь с постели. – В том-то и смысл настоящей охоты. Так что любуйтесь этим зрелищем, сколько захотите – они не станут нападать.

Кадмон не мог не заметить, что Мунго не обращается к нему ни по надлежащему статусу, ни даже по имени. Он вообще вёл себя с новыми хозяевами если не сказать, что вызывающе, то уж больно независимо. Словно чувствовал какую-то силу, которая в трудный момент поддержит его. Вероятно, решил Кадмон, провояая краем глаза высокую фигуру до дверей опочивальни, тут не обошлось без Скелли, которого не так давно Мунго вытащил из цепких лап Квалу. Что было правильным поступком с его стороны, поскольку если бы Скелли очутился от подсунутого ему яда, вряд ли Кадмон сидел бы сейчас здесь и любовался глубокими узорами в виде диковинных растений и животных на обоих створах входных дверей, закрывшихся за лекарем.

Свет в опочивальню проникал через затейливый витраж высоко под потолком, больше похожий на распустившийся прямо в стене цветок, нежели на окно. Стоявшая под ним широкая кровать, была украшена высоким балдахином, который поддерживали четыре резные деревянные колонны. Тяжелый бархат спускался вниз со всех сторон плавными волнами и создавал впечатление, будто посреди помещения на всякий случай высится ещё один дом.

– Ты понял, какую кошку он имел в виду? – снова подала капризный голос Анора, решившая теперь укрыться одеялом по самый подбородок, словно стеснялась присутствия своего холодного суженого. – Я не слышала, чтобы в Пограничье водились дикие кошки.

Кадмон подошел к дверям.

– Вероятно, вот эту.

Он ткнул пальцем в оскаленную пасть изогнувшегося перед прыжком зверя, действительно, очень похожего на того ленивого кота, который припеваючи жил в доме его родителей, правда, крупнее его раз в десять, если судить по обступившим его деревьям, и едва ли таким же разборчивым в еде.

– От такой не убежишь, даже если её заметишь, – добавил он.

Они продолжали рассматривать узоры, когда одна из дверей снова приоткрылась и пропустила в опочивальню хрупкую фигурку хорошенькой служанки, которую Кадмон уже успел узнать по имени – Ильда. Ещё он знал, что у Ильды имеется самый что ни на есть настоящий муж, Арли, выполняющий поручения посыльного, а потому редко бывающий в замке. Во всяком случае, он никогда этого Арли ещё не видел да, собственно, и не стремился, довольствуясь обществом его неуступчивой жены.

Ильда принесла поднос с кружкой чего-то горячего, орехами и вареньем.

– Мунго сказал, что вы должны это выпить, – пояснила она неприятно удивленной Аноре, поставила поднос прямо на край постели и гордо удалилась.

– У них тут разве не принято стучать? – возмутилась девушка, сгребая орехи в горсть. – Она мне не нравится. Ты можешь от неё избавиться?

– Мама говорит, что я могу почти всё. – Кадмон почувствовал, что устал стоять, и присел рядом с подносом, заодно не давая уничтожить без своего участия все орехи.

– А тебе никогда не хотелось определить границы этого «почти»?

– Ты лучше не ешь, а пей.

Она послушно взяла кружку обеими руками и стала пить залпом, хитро следя за ним из-за края. В такие мгновения с ней бывало даже интересно. Ему не нравился её слишком вздернутый нос и жеманно опущенные уголки рта. Сейчас же, когда от всего лица остались только глаза, Анору можно было назвать загадочной и привлекательной. Если дойдет до свадьбы, надо будет ввести моду на женские маски, закрывающие нижнюю половину лица, подумал он.

– У тебя с ней уже что-то было?

– С кем?

– С этой служанкой.

– Я даже не знаю, как её зовут, – соврал Кадмон. – Не горячо?

Анора оставила его вежливый вопрос без внимания, грохнула кружку обратно на поднос и откинулась на подушки, делая вид, будто не догадывается об обнажившейся в глубоком вырезе правой груди.

– Ты боишься? – спросила она после короткой паузы.

– Чего? – Кадмон равнодушно смотрел на неё, думая с гораздо большим интересом о вражеском войске под стенами Вайла’туна, и это придавало его одутловатому лицу некоторое внутреннее напряжение, ошибочно истолкованное девушкой в свою пользу.

– Меня. – Она приподнялась на локтях, и стала видна вторая грудь-близняшка. – Ведь наши родители не зря позволили нам провести это время вместе. Я уже чувствую себя лучше.

– Рад за тебя.

– И всё?

– И за тот обед, от которого ты теперь не откажешься.

– Прекрати! Меня сейчас точно вырвет.

– Позвать служанку? Или ты уже соскучилась по Мунго?

– Он меня пугает.

– Кто? Мунго? Я бы по тебе этого не сказал.

– А правда, что он ведет свой род от самого Мали?

– Вполне может статься. – Кадмон наконец заметил обнаженную грудь собеседницы и, не сдержавшись, рыгнул. – Я никогда ни у кого не видел такого толстого носа.

– У него не нос толстый, а ноздри широкие.

– Невелика разница! Когда я его первый раз увидел, он показался мне уродливым дикарем, облаченным в нашу одежду.

– У дикарей волосы рыжие, а у него чёрные и кучерявые, как шерсть у баранов моего отца.

– Подходящее сравнение.

– Ты, похоже, вообще никого не любишь. – Она приняла ещё более соблазнительную позу. – Даже меня?

– Сейчас не самое подходящее время об этом спрашивать.

– Почему это?

– Ты понимаешь, что на нас напали? – Кадмон даже закрыл рот, так взволновала его эта мысль, от которой он успел немного отвлечься.

– Разве? – Анора легла на бок. – Кажется, я не слышу никакой борьбы. Единственные звуки – суeta на стенах. Они там что, решили ждать и ничего не делать?

– А ты бы предпочла, чтобы все покинули замок и ушли на верную смерть в поле, навстречу этому лошадиному стаду?

– Мне всё равно. Лишь бы они дрались подальше отсюда.

Кадмон ничего не ответил. Что взять с такой дуры? Когда её, как свинью, будут резать, она, вероятно, попросит своих убийц лишь о том, чтобы заткнули ей чем-нибудь рот, чтобы она не слышала собственных криков. Неужели все женщины настолько тупы и безпечны? Нет, если к женщинам отнести его родную мать. Уж она-то бы сейчас точно знала, что и как делать.

Не зря даже отец частенько слушается её советов или молча исполняет сказанное в приказном тоне. Его мать – не чета всем этим хоренам, которые словно для того только и созданы, чтобы быть послушными и безмозглыми подхалимками. Потому что он – сын Томлина, до недавнего времени – доверенного ростовщика Ракли, владевшего этим замком, а теперь – негласного повелителя всего Вайла’туна, да что там Вайла’туна – всего Торлона! Была, правда, ещё одна девушка, которая его не добивалась, и которую он сделал своей лишь на одну слишком короткую ночь. Но она теперь далеко, если вообще жива. Её звали Орелия, они с Анорой были подругами, но Орелия избрала другой путь, примкнула к беглому сыну Ракли и в один далеко не прекрасный вечер исчезла вместе с ним. Йедда, мать Кадмона, которая обо всём связанном с сыном прекрасно знала, успокоила его, сказав, что такая, как она, не достойна ни под каким предлогом входить в их древний род и что, скорее всего, её постигла в ледяных водах Бехемы заслуженная участь. Кадмон в душе с ней не согласился. Ему бы гораздо больше хотелось не уступать роль палача какой-то Бехеме, а самолично, точнее, саморучно казнить предательницу, сделать ей очень больно, дать почувствовать, какого было ему получить известие о том, что любимая игрушка сбежала с каким-то безродным Локланом, предпочтя ему Кадмона, который теперь тешит свое уязвленное самолюбие в покоях некогда великих правителей Вайла’туна. Если можно так выразиться, на глазах у их самых что ни на есть родоначальников.

Он имел в виду две огромные картины, занимавшие сейчас противоположные стены и взиравшие на занятую пришельцами кровать под балдахинем со строгим упрёком. Картины висели в кованых рамах и представляли собой портреты мужчины и женщины в роскошных парадных одеяниях.

Мужчина был запечатлен верхом на коне. Доспехи его сверкали в лучах невидимого за рамой солнца. В руке он держал шлем очень тонкой работы. Шлем безошибочно напоминал голову хищной птицы, металлический клюв которой служил защитным щитком для переносицы. Вдоль всего обода шла надпись, сейчас полуприкрытая металлической перчаткой, больше похожей на панцирь странного животного. Из всей надписи на ободу шлема отчетливо читались лишь слова «охрани да укрепи». Зато хорошо была видна филигранная резьба сбоку, в виде развевающихся на ветру перьев. Другой рукой мужчина торжественно сжимал устремленный вверх, вдоль конской гривы, изумительной работы меч. Рукоять, сомкнутая в железных пальцах перчатки, искрилась зелеными, как весенняя трава, и алыми, как кровь, драгоценными камнями. Конец рукояти представляла собой шар из кости. Как всадник сжимал рукоять, так и шар этот сжимала в когтях напряженная птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоять граничила с клинком, сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Вместо обычного острия лезвие заканчивалось причудливым раздвоением, делавшим клинок похожим на змеиное жало. Посередине лезвия тянулась такая же вязь, что и на шлеме. Красивую голову мужчины венчала темно-серая вышитая шапочка, какие обычно надевают под шлемы. Длинные золотые пряди волос и рыжеватая с едва заметной сединой коротко стриженная борода затейливо сочетались с серо-золотым плащом, стекавшим с широких плеч мужчины и закрывавшим круп коня вместе с хвостом. На картине всадник был запечатлен в великолепных латах, послушно повторяющих линии его могучего тела. Латами был прикрыт и конь, стоявший сейчас на трех ногах. Правую переднюю он грациозно поднял, словно раздумывая, стоит ли опускать её и губить подкованным копытом красивый голубой цветок, дерзнувший вырасти в столь неудачном месте.

Этот же или точно такой же цветок держала в тонких пальцах женщина на картине, украшавшей противоположную стену. При более внимательном рассмотрении женщиной её можно было назвать лишь условно: на самом деле с портрета смотрело совсем ещё юное создание, величие и лишний возраст которому придавал чересчур пышный наряд, одетый, похоже, исключительно для позирования. Глубокого синего цвета платье переливалось золотыми звез-

дами блёсток и почти не показывало складок, хотя девушка сидела в кресле. Из-за этого возникла забавная диспропорция между кажущимся её ростом и верхней частью прямого, вытянутого в струнку тела, увенчанного очаровательной бледной головкой в обрамлении сложнейшей прически, состоящей из разноцветных лент, каштановых локонов и многочисленных тоненьких косичек. Руки девушка спокойно положила вдоль резных деревянных подлокотников. Цветок она держала небрежно, совершенно не привлекая к нему взгляд зрителя. Она вообще производила странное впечатление отстраненности и поглощенности собственными мыслями. Которые скрывала за ласковой улыбкой очень красивого, но странного лица. Поначалу могло показаться, будто девушка улыбается. Но стоило Кадмону отвлечься, и вот уже он смотрит на то же лицо, и видит не улыбку, а скорее усмешку, грустную, лишенную какой бы то ни было красоты, которая обычно сменяется гримасой боли или горьким плачем. Удивляясь, он пытался вернуться к первому впечатлению, и – о чудо! – это ему удавалось: девушка снова награждала его сочувственной улыбкой.

Перехватив его взгляд, Анора ревниво надула губки и поинтересовалась, кто это такая. – Понятия не имею, – в очередной раз соврал Кадмон.

На самом деле девушку со странным лицом звали Рианнон. Она была женой мужчины на коне. Коня, пожалевшего голубой цветок, звали Руари. Всадником, демонстрирующим жене свой замечательный меч-жало и птичий шлем, был самый славный из вабонских героев – легендарный Дули.

Накануне вечером обо всём этом ему поведал главный писарь Скелли, друг его матери, зашедший в сопровождении двух охранников навестить будущего правителя замка. Охранники остались за дверьми, а Скелли тихим голосом рассказал Кадмону грустную историю этой давно упокоившейся четы.

Из всего рассказа Кадмону особенно запомнилось одно любопытное наблюдение писаря, которое тот озвучил как будто даже неохотно, понизив голос чуть ли не до шепота и тем самым призывая ещё сильнее открывшего рот слушателя к нерушиму молчанию.

Оказалось, что в обеих картинах неизвестный художник замечательным образом спрятал настоящую загадку. Ключи к которой оставил на видных местах, однако так, чтобы заметить их мог только посвященный. А Скелли имел наглость относить себя именно к таковым. Кадмон не мог судить о том, прав ли жалкий старик в своих догадках, ему всё это показалось очередной сказкой больного, отравленного ядом рассудка, однако он дал себе труд запомнить сказанное.

Скелли похвастал, что умеет неплохо разбираться в людях и не страдает отсутствием наблюдательности. Подсказкой для решения, по его словам, стала правая рука девушки, в которой та удерживала готовый вот-вот выпасть цветок. Потому что если к ней приглядеться, то становилось совершенно очевидным: рука эта вовсе не правая, а на самом деле левая, точно такая же, как та, что без дела лежала на ближнем к зрителю подлокотнике кресла. Тот, кто рисовал обе картины, едва ли мог допустить подобную ошибку случайно. Причем, если сравнивать портреты, то именно левую руку, вернее, кисть всадника, живописец скрыл под панцирем необычной перчатки, не давая увидеть расположение большого пальца. В этом и был тот самый ключик к разгадке противоположного портрета. Руки девушки жили своей жизнью. Отсутствие складок на небесном платье как бы отсекало их от красивой головки с переменчивым выражением нежного лица. Скелли сказал, что когда рассматривал портреты в первый раз, мысленно провел границу посреди высокого лба, вдоль прямого носика, поперек чувственных губ и волевого подбородка и после нескольких попыток получил то, что искал: в одном лице живописец сумел отобразить сразу два женских лица. Брови были разными. Одна – плавная и дугообразная, другая – выразительная, как крыло сокола. С такого расстояния трудно было судить о цвете глаз, поэтому они казались одинаковыми, но вот под левым слегка проглядывала некоторая припухлость, которой начисто был лишен правый. Впечатление улыбки, граничащей со скорым плачем придавал всему облику девушки маленький рот, один уголок которого был

чуть приподнят вверх, а другой, напротив, грустно опущен и подчеркнут мелкими морщинами. Таким образом, портрет жены Дули хранил в себе одну из самых главных тайн рода: он запечатлел и всем известную по легендам и приданиям Рианнон, и его так называемую сестру, Лиадран, которую составители старинных книг отдали в жены Рилоху, ближайшему соратнику Дули и покровителю мергов. Тупицы, усмехнулся Скелли, они, похоже, лишь только умели что писать, не удосуживались перечитывать написанное. Поэтому в изначальной рукописи «Сид'э» внимательный читатель вроде Скелли почти без труда мог найти непонятное место, где говорится о том, будто младшая сестра Дули погибла в детстве, а в другом случае – описание того, как он скорбит о гибели совершенно незнакомой ему девочки, случайно попавшей под копыта его боевого коня.

Кадмон про «Сид'э» если и слышал, то краем уха, так что заключения Скелли не произвели на него должного впечатления. Однако писарь нисколько не переживал по этому поводу и продолжал растолковывать свою чудесную догадку.

Если родная сестра Дули погибла по его неосторожности, то кто была близкая ему всю жизнь Лиадран? На её долю, действительно, выпало немало горьких разочарований, тревог и забот, от которых и в самом деле впору расплакаться. Законная жена, Рианнон, их не знала даже когда пережила безвременно погибшего супруга. Вот и улыбается теперь со своей половины великолепного портрета. Для Лиадран с гибелью Дули полноценная жизнь, судя по всему, закончилась. Она добровольно, как пишут современники, ушла из замка и заточила себя в стенах Обители Матерей, где умерла спустя несколько зим. Скелли о ней и не вспомнил бы, если бы в Вайла'туне ни остался её сын, считавшийся по сей день ребенком Рилоха. Но в действительности всё было совсем не так! Через Лиадран род Дули, как свидетельствовали разгаданные им портреты, ушел в сторону и пока заканчивался на его далеких, ни о чем подозревающих потомках. Заметив, что Кадмон не проявляет ожидаемого живого интереса к его повествованию, Скелли не стал называть их имён.

Кадмон и вправду мало что понял из объяснения. У него осталось впечатление, что Скелли просто нашел в его лице безропотного слушателя и воспользовался случаем, чтобы похвалиться своим умом и сообразительностью. Вероятно, он хотел сказать что-то ещё, но их прервали, и Кадмон остался наедине с портретами, которые сегодня взирали на него с таким же отсутствующим укором посторонних людей, что и вчера.

– Они очень красивые, – говорила между тем Анора. – Я никогда не видела таких больших картин. Как будто настоящие люди. Ты не боишься?

– Чего на этот раз?

– Их взглядов. Мне кажется, что они недовольны нами. Спать тут я бы уж точно не смогла.

– Не говори глупостей. Это просто картинки. У моих родителей есть несколько таких дома. Отцовские дальние родственники. Только отец никогда не стал бы их вешать на всеобщее обозрение на стену. Он прячет их даже от меня.

– Почему?

– Спроси его сама. Мне он говорил, что такие вещи нельзя показывать посторонним.

– Он тебя считает посторонним?

– Нет, конечно. Я их несколько раз видел. Ничего особенного. Бородатые мужики какие-то и одна девица. Эти два портрета написаны гораздо лучше. В смысле, более правдоподобно. Там у него всё как-то больше мазками, грубовато, не похоже на настоящих людей.

– Наверное, эти картины очень древние. Я не слышала, чтобы сейчас кто-нибудь занимался рисованием таких портретов. А ты?

– Говорю же, их не рисуют – их пишут.

– Вот как? – Анора приподнялась на локте. – Откуда ты всё это знаешь? Ты такой умный!

Кадмон встал и прошелся по комнате. Не станет же он рассказывать этой девчонке о том, что с детства привык сидеть за столом и, затаившись, слушать разговоры отцовских гостей.

А среди них кого только ни было! Некоторые сами кое-что собой представляли и умели, другие за неимением лучшего излагали то, о чём лишь слышали. В обоих случаях присутствовать на этих застольях было интересно и даже поучительно, как считала мать. Сегодня Кадмон видел, что она оказалась в который раз права. Его только что назвали умным. Назвал, конечно, невесть кто, но ведь назвал. А он как раз хотел отличаться в этом от отца и быть умнее будущей жены.

Он снова подошел к маленькой ставне, открыл, не обращая внимания на недовольное восклицание Аноры, и выглянул наружу.

Вражеское войско не двинулось с места. Передние ряды всадников, недавно сомкнутые, несколько рассредоточились, и стали видны высокие походные шатры, тоже увенчанные разноцветными лентами. Похоже, Мунго не просто так болтал. Противник не спешил нападать на перепуганный Вайла'тун.

Одну из причин Кадмон понял, когда заметил, на что оживленно указывают собравшиеся под ним на стенах приятно многочисленные защитники замка. Далеко-далеко направо, за Стреляными Стенами, за низенькими крышами изб простолюдинов, между Вайла'туном и опушкой Пограничья медленно разливалась ещё одна лужа, не такая чёрная, как первая, скорее, бурая, лишенная устрашающих разноцветий флагов и многочисленной конницы, но ничуть не менее суровая и неизбежная – людская лужа, состоящая, судя по всему, из тамошних обитателей. Вооруженные кто чем, а чем именно – он отсюда разглядеть не мог, они топтались слишком близко к крайним постройкам, чтобы быть их защитниками, нежели врагами. Нежданная подмога! Воины на стенах ликовали, и Кадмону показалось, что он впервые слышит, как в их устах слово «фолдиты» звучит не надменно и пренебрежительно, а радостно и обнадеживающе.

– Что там снова за шум?

Он оглянулся через плечо, и увидел, что Анора уже поднялась с постели и, уронив с плеч рубашку прямо на пол, подходит к нему сзади во всем своем обольстительном безстыдстве. В отличие от лица, её женственное тело было способно привлечь к себе внимание даже такого разборчивого юноши, как Кадмон, однако сейчас он был не в настроении потакать своим обычным прихотям. От происходящего там, вдали, сейчас зависело слишком многое, чтобы забыть об этом в дерзких объятьях. Когда он почувствовал спиной прикосновение чего-то мягкого и тёплого, ему захотелось перенестись на стену и оказаться среди воняющих лошадьми, страхом и дешевым кроком вигтеров.

– Дай посмотреть.

Разумеется, она не столько желала увидеть происходящее снаружи, сколько показать себя. Отодвинув его плечом в сторону, она привстала на цыпочки и вытянулась в струнку, делая вид, будто с интересом изучает состояние неподвластных ей сейчас вещей.

Когда-нибудь, думала она, поигрывая ягодицами и лоя сразу же замерзшим носом холодные потоки уличного воздуха, я стану полноправной хозяйкой всех этих людей, которые пока не догадываются о моём присутствии. Пусть даже мне для этого придется некоторое время терпеть близость Павлина. Я такая не первая, но, надеюсь, последняя. Моё место легко могла бы занять Орелия, если бы пожелала, да только ей, похоже, оказался милее прежний господин Меген'тора. Оно и не мудрено. Если бы она не знала, что подобное невозможно, то наверняка решила бы, что на той вон картине со всадником запечатлён именно он. Такой, каким был Локлан, мог любую красавицу превратить в покорную служанку. Когда они оба пропали после того весёлого эфен'мота у родителей Кадмона, она долго страдала от тоски и обиды, но так до сих пор и не поняла, по кому больше. Позже до неё дошли слухи, будто Локлан прихватил с собой не только Орелию, но и рыжую дикарку, которую ещё незадолго перед наступлением первых холодов поймал в Пограничье. Это известие несколько поумерило её ревность. Видать, Орелия была дорога ему меньше, чем он ей. Ну, в таком случае это её личное

дело, пускай себе мучается, если им посчастливилось выжить в страшных буранах вечно полноводной Бехемы. Ведь говорят, они каким-то чудесным образом решили перебраться через неё на другую сторону. Кто-то их даже как будто видел при этом. Анора всегда считала, что для подобного отчаянного предприятия нужно сперва сделаться птицей. Наверное, Орелия решила, что достаточно окрылена любовью. Как бы то ни было, её больше нет, как нет и Локлана. Теперь в замке правят два их семейства: отца Кадмона и её.

Недавно, правда, появился, откуда ни возьмись, ещё и третий, Гийс, сын запятнавшего себя позором предательства военачальника. К нему кое-кто здесь благоволит, а сам он ведёт себя дерзко и настолько независимо, насколько возможно. Однако знающие люди нашептали ей, что долго он не продержится. А вон и он собственной персоной, на стене, кутается в лёгкий плащ, что-то деловито говорит остальным и указывает рукой в железной (как ему ни холодно?) перчатке на застывший в ожидании Вайла'тун, такой жалкий и ничтожный с неприступной высоты её нынешней обители. Конечно, он гораздо лучше сгодился бы ей в мужа, нежели этот уродец, дышащий через рот у неё за спиной, однако что-то в его манерах и осанке говорило об опасности и отгалкивало. Хотя Анора любила риск. Если Кадмон будет и дальше продолжать артачиться, она обязательно займётся этим Гийсом. Разумеется, предварительно посоветовавшись с отцом.

– Ну, хватит, ты так точно простудишься! Оденься лучше.

Она уступила Кадмону место.

– Я хочу выйти на стену.

– Иди. – Он не оглянулся, что-то там снова высматривая.

Она посмотрела на него, на слабую сутуловатую спину, на запрокинутый затылок, и в очередной раз пожалела себя. Почему ей приходится унижаться перед каким-то недоноском вместо того, чтобы самостоятельно занять трон в соседней зале и выбрать себе достойного спутника? Жаль, что отец наверняка её не поймёт. Но уж она постарается.

Что-то необычное в знакомом облике Кадмона бросилось ей в глаза. Она сперва даже не осознала, что именно, но когда пригляделась, отчетливо заметила на его голове, в тёмно-каштановых волосах, там, где они разделялись на вытянутой макушке неровным пробором, тоненькую полоску золотистой ржавчины. Именно такая ржавчина служила отличительным признаком вырожденцев вроде шеважа. Отец ещё в детстве много рассказывал ей про таких людей. Их считали нечистыми и в лучшем случае изгоняли. Так было раньше. Теперь таких среди вабонов, говорил он, просто не осталось.

– Что смотришь?

Она не заметила, как он наконец оглянулся. Стоит, разглядывая её тело с нескрываемым интересом, будто впервые видит. А перед глазами у неё – золотистая прожилка. Лишь бы он не сообразил, что она заметила!

– Почему ты меня гонишь?

– Я? Тебя? Кажется, ты сама захотела подышать свежим воздухом на стене. Или я должен был тебя удержать?

Он сделал шаг ей навстречу.

Она поспешила поднять руку, останавливая его. Только сейчас ей не хватало, чтобы в нём разыграло желание. Упоминание про свежий воздух лишний раз напомнило о его собственных запахах, от которых её снова стало подташнивать.

– Нет, всё хорошо. Я и в самом деле выйду.

– Тебе лучше?

– Ты очень милый и заботливый...

Она подобрала с пола рубашку и накинула на плечи.

– Анора, ты спрашивала, люблю ли я тебя...

– Поговорим об этом позже.

– Анора...

– Позже.

Не нужно быть с ним такой резкой. Он легко может что-нибудь заподозрить. Скорее всего, решит, конечно, что у неё очередные капризы, не более того, но кто знает? Кстати, кто, действительно, знает причину того, что её сейчас смутило, удивило и отчасти даже напугало? Может, поговорить с отцом? Он всегда ненавидел этих шеважа. Другое дело, как он воспримет её сумасшедшее подозрение? Просто так подойти к нему и сказать, что его избранник, который желанием влиятельных родителей сделался главным в замке, на самом деле, похоже, рыжий? Едва ли отец об этом догадывается. Что он ответит? Закрой глаза? Брось его? Вероятнее всего первое. Потому что уж больно рьяно он до сих пор старался свести их вместе. При ней называл Кадмона не иначе как «мужем». Причем не слишком морщился в отличие от неё. Считал, что от их свадьбы зависит не только её будущее, но и его собственное. Понятное дело: если у отца были деньги, то у его ближайшего соратника, папаши Кадмона – ключи от замка и нужные люди, что ценилось ничуть не меньше. Отец иногда, особенно когда выпивал лишку и знал, что, кроме дочери, никто его не слышит, вздыхал, мол, дело не в том, у кого много денег, а в том, кто позволяет все эти деньги иметь. Видать, не всё даже у него было так гладко, как хотелось бы.

Она и в самом деле уже чувствовала себя гораздо лучше. Видимо, руки Мунго или его отвары оказали на неё должное действие. Не зря про него тут ходила молва как о лучшем спасителе от отравлений.

Анора сунула босые ноги в короткие валенные сапожки, в которых можно было хоть по снегу ходить – не замерзнешь, набросила поверх рубашки недавний подарок Кадмона, точнее, его матери – длинный кожаный плащ, подшитый изнутри теплым мехом, и выскользнула из опочивальни. Неподалеку находилась дверь в тронную залу, где их отцы частенько устраивали военные советы. Сейчас дверь была распахнута, и она услышала срывающийся мужской голос, увещевавший невидимых слушателей:

– ... их нападение – только вопрос времени! Мы должны начать первыми пока у нас есть преимущество. Можем начать сразу с трех направлений...

Вероятно, совещающиеся настолько отчаянно спешили, что позабыли об обычных мерах предосторожности. Анора безшумно приблизилась, но сразу заглянуть побоялась. Прислушалась.

– Вы полагаете, фолдиты на нашей стороне? – Она узнала отца.

– Что за дурацкий вопрос! – ответил всё тот же голос.

– Не забываетесь, Тиван! – Это возмущенно воскликнул не кто иной, как отец Кадмона.

– Я, конечно, прошу прощения, вита Томлин, однако в нашем нынешнем положении предпочёл бы отбросить некоторые условности. Потом можете меня хоть разжаловать, но сейчас важно понимать происходящее и быстро принимать решения. Разумеется, фолдиты на нашей стороне.

– Кто их призвал? – Снова отец. Анора представила его таким, каким он никогда раньше не бывал: испуганным, растерянным и похудевшим от волнения.

– Никто их не призывал, вита Скирлох. А если бы кто даже и захотел, то не успел бы. За такой короткий срок они никак не успели бы собраться, вооружиться и добраться досюда со своих окраин.

– Хотите сказать, они знали о нападении заранее? Но тогда это тем более предательство!

– Предательство это или нет, мы узнаем позже. Если останемся живы. Кто-то их явно предупредил. И да славятся Дули и все герои, что так произошло! Их появление дало нам время на размышление. И я, как уже сказал, предлагаю выступить первыми. Мои люди уже скажут к этим фолдитам, чтобы взять на себя командование.

– Кого же ты послал?

– Сына... Норлану я во всём могу доверять.

– Да уж, сегодня это редкая возможность... – заметил Томлин.

– Кроме того, как я уже сказал, по полученным мной только что сведениям, к нам выдвигается боевой отряд из Обители Матерей...

– Вы издеваетесь что ли? – не то рассмеялся, не то расплакался отец.

Анора осторожно выглянула из-за двери, но он сидел за столом где-то слева, в глубине, и потому вместо него она стала изучать спину высокого старика с седой бородой, судя по одежде и оружию за поясом, воина. Поскольку на неловкий вопрос ответил он, стало понятно, что это и есть Тиван, командующий конной гвардией замка, бывший помощник Ракли и единственный, кто остался при власти после его падения.

– Издевательства не по моей части. Я полагал, вы знаете, что Обитель Матерей готовит не только соперниц мужчинам на любовном ложе или в учёных спорах, но также и на ристалище. Тамашние воительницы весьма искусны, и я на полном серьёзе рассматриваю их как третью силу, на которую мы вправе рассчитывать. Их согласие оказать нам помощь – большая удача.

– Вам виднее, – заключил Томлин. – То есть, мы ждём только их, чтобы напасть на этих чужаков?

– Да, таков мой план.

– Плохой план, – услышала Анора у себя над ухом и почувствовала, как кто-то сильный берет её за локоть и грубо вталкивает в залу, навстречу изумленным взглядам троих умолкших от неожиданности собеседников. – При этом подслушивание даже плохих планов должно караться.

Анору так сильно толкнули вперед, что она потеряла равновесие и больно шлёпнулась на четвереньки. Что не смогла бы сделать боль, довершил стыд: она горько разрыдалась.

– Дочь моя, что стряслось? Что ты тут делаешь? – Скирлох не успел подхватить её и теперь пытался помочь подняться. – А вы, молодой человек, что вы себе позволяете!

– Обращаю внимание на то, чего не видят другие, – равнодушно заявил незнакомец, будто перед ним был не богатейший человек Торлона, а какой-нибудь фолдит, решивший заступиться за поруганную честь дочери. – На её месте мог оказаться кто угодно.

Анора вытерла рукавом слёзы и глянула на говорившего. Мимо неё смотрело открытое лицо с голубыми глазами и белесыми бровями и ресницами. Гийс! Тот самый, которого она только что видела на стене в окружении виггеров. Она раньше никогда с ним не разговаривала и не подозревала, что у него такие властные манеры и такой убедительный голос. На мгновение ей самой показалось, будто она совершила безчестный поступок и должна быть строго наказана.

Гийс проследовал к столу, стоявшему посередине залы. Стол был вырезан из цельного ствола дуба массивный стол, окруженный пятью креслами с высокими, обтянутыми мягким синим бархатом спинками. Все кресла были помечены отличными гербами, представлявшими собой сочетания доспехов, оружия, растений и животных. Они ярко выделялись на синем фоне и первыми привлекали к себе взгляд вошедшего. Затем гость обращал внимание на стулья попроще, выстроенные двумя рядами вдоль стен.

Всхлипывающая Анора и все присутствующие молча смотрели, как Гийс словно выбирает наиболее подходящее для себя кресло и садится, красиво скрещивая ноги и облачаясь в задумчивой позе на стол. Казалось, его забавляет это внимание и сознание своей неуязвимости.

Первым нашел в себе силы заговорить Тиван. Вероятно, замечание новоприбывшего задело его даже сильнее, нежели Скирлоха – обращение с непутёвой дочерью.

– Почему ты назвал мой план плохим? – спросил он, не считая нужным занять положенное ему место и продолжая стоять.

– Только потому, что он плох, – ответил Гийс и невесело улыбнулся.

– Но я...

– Думаю, вы прекрасно разбираетесь в том, как вести бесконечную войну в Пограничье, но имейте в виду, что сейчас перед вами вовсе не сброд рыжих дикарей. Понимаете, о чём я? Мне ведь довелось оказаться у карьера как раз в тот день, когда туда заявился их передовой отряд. Я видел, как они сражаются. Нашим людям в открытом бою перед ними не устоять.

– Ты что ж это, заранее предлагаешь сложить оружие? – Борода Тивана дрожала от едва сдерживаемого возмущения.

– Нет, сложить руки. – Гийс показал, как он это понимает, и добавил: – Но не головы.

– Вы с ума сошли!

Анора даже в своем нынешнем плачевном во всех отношениях состоянии заметила, что ни задумчиво сидящий через стол от них Томлин, ни её не на шутку перепуганный отец в их разговор не вмешиваются, вероятно, ожидая развязки. Когда говорят военачальники, богачи молчат. Гийс, похоже, это предвидел и теперь явно чувствовал себя хозяином положения.

– Послушайте, Тиван, – сказал он, почёсывая едва различимую шёрстку на подбородке и тем лишний раз указывая на своё отличие от седобородого воина. – Послушайте себя. Подумайте к чему вы тут нас призываете. Знаете, как бы я это назвал? Самоубийство. Если бы не ваши прежние заслуги, я бы мог решить, что вы переметнулись на сторону врага. За которым я, между прочим, наблюдал всё то время, пока вы тут совещались...

– Это не ваше...

– ... дело? – Гийс прищурился. – Моё. И моих виггеров, жизни которых мне доверены. Знаете, что я видел со стены? Что они разбили лагерь. Вам это о чём-нибудь говорит?

Тиван тяжело дышал и хранил молчание. Чтобы не сказать лишнего, поняла Анора, потирая ушибленную коленку и косясь на напряженно размышляющего отца.

– Они остановились, – продолжал тем временем Гийс. – Они устали от своего снежного перехода, откуда бы они ни пришли, и поняли, что с наскока им нас не взять. Они решили устроить себе передышку и набраться сил.

– Вот именно поэтому я и не хочу упускать время! – Тиван широкой ладонью рубанул перед собой воздух. – Сейчас или никогда! Пока они устали...

– Костей не соберёте, – пожал плечами Гийс. – Вы уже, помнится, не так давно отправляли отряд в Пограничье. Отряд, который сгинул, как будто его и не было. Если вы не слушаетесь моего теперешнего совета, произойдет то же самое, разве что на ваших глазах. А потом за нашим войском последуете и вы сами, и вы, и вы... – Он по очереди указал на слушателей, странно улыбнувшись Аноре. – Почему вы отказываетесь понимать, что мы сильнее их только в том случае, если они ступят на нашу землю?

– Они уже на нашей земле!

– Не прикидывайтесь, будто не слышите меня. Под нашей землей я подразумеваю Вайла'тун и этот замок. Здесь мы сможем, я думаю, защититься от них. Там, в поле, никогда.

Тиван мотнул головой, словно стряхивая оцепенение.

– А теперь вы послушайте меня, юный мыслитель! Прекрасно, что вы так рьяно печётесь о нашем войске. Которое, правда, создано и служит для того, чтобы все остальные могли жить в покое. Мы здесь затем, чтобы сражаться, а не наблюдать, как будут гибнуть безоружные жители окраин, и радоваться, что наша очередь ещё не пришла. Нет и ещё раз нет! Виггеры с незапамятных времён делали всё от себя зависящее, чтобы держать врага на почтительном расстоянии от наших очагов. В этом и заключается наше предназначение. Для этого в своё время по всему Пограничью и были возведены заставы. Помнится, не так давно вы учились под началом Вордена, так что должны это знать.

– Я знаю...

– Не перебивайте меня! – Тиван угрожающе повысил голос. – Этим вашим непобедимых воинов во что бы то ни стало нужно остановить до того, как они вторгнутся в Вайла’тун. Потому что потом будет уже поздно. Если бы замок наш стоял в открытом поле, я бы охотно прислушался к вашим замечательным советам и ждал врага на стенах, с арбалетами и луками наизготовку. Сейчас же только слепой не увидит разницы. Люди ждут от нас помощи. А некоторые, как вы могли заметить, не ждут, а сами идут в бой. Вы что же, отказываетесь их поддержать?

– Вы про фолдитов? – уточнил Гийс, глядя куда-то мимо собеседника и добавил: – Не смешите меня.

Аноре показалось, что Тиван сейчас выхватит меч и отсечёт наглую голову. Хранивший до сих пор выжидательное молчание Томлин тоже это почувствовал и поднял руку со словами:

– Довольно, друзья мои. Времени на пререкания у нас с вами просто не осталось. Кто-то должен принять окончательное решение. Не знаю, как это было раньше, при Ракли, но предполагаю, что это право предоставлялось ему. Мы поступим мудрее. Анора, где мой сын?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что девушка не сразу сообразила, что обращаются к ней.

– В спальне был, – неуверенно пробормотала она.

– Веди-ка его сюда да поскорее.

Отец кивнул, и Анора стрелой вылетела в коридор.

Кадмона она застала на месте разглядывающим портрет воина на коне.

– Тебя зовут, – выпалила она, заглядывая в дверь.

По тону её голоса он как то сразу понял, что дело не шуточное, проворно оделся и вскоре уже стоял рядом с ней в тронной зале, удивленно взирая на собравшихся.

– Скажи мне, сын мой, – без вступления начал Томлин, – кто на твой взгляд прав в нашем споре: этот молодой человек, должно быть известный тебе под именем Гийс, или Тиван, наша вторая боевая десница?

– Это неслыханно... – не удержался Тиван.

– Я вас выслушал! – Томлин резко ударил ладонью по столу. – Но решения так и не услышал. Теперь пусть выступит тот, кто здесь по праву...

Он не договорил.

– Гийс... – сказал Кадмон. – Мне кажется, что прав Гийс.

Теперь взгляды всех присутствующих – восторженные, изумленные и разъяренные – устремились на него. Кадмон облизал запекшиеся губы.

– Хорошо, сынок, ступай. – Томлин улыбался. – И прихвати с собой свою невесту. А то она такого, что сейчас тут будут говорить, никогда в жизни не слышала. Отдыхайте, дети, и ничего не бойтесь.

– Как вы... – начал было Тиван, когда дверь за ними захлопнулась.

– Может быть, вы хотите оспорить решение моего сына? – прервал его Томлин.

– Но он...

– Мой сын. И совершенно не заинтересованная в вашем глупом споре сторона. Поэтому идите и поступайте так, как он сказал. Готовимся к осаде.

– Если она вообще произойдет, – напомнил о себе Гийс, избегая смотреть с сузившиеся глаза старого воина. – Сдается мне, что всё закончится переговорами.

– Они спялят Вайла’тун! – в бессилии воскликнул Тиван, приводя последний довод в свою пользу.

– Давно спалили бы, если бы хотели, – лёгким движением руки отмёл его предположение Гийс и переглянулся с Томлином. – Есть ещё какие-нибудь соображения, вита Тиван?

Тон этого смеющегося голоса напомнил старику его место.

– Нет, – ответил он, – думаю, вы и без меня справитесь. – И повернулся, чтобы уйти.

– Не спешите покидать нас, – окликнул его Томлин. – В противном случае вас нам будет очень не хватать.

Тиван безошибочно угадал смысл сказанного. Он замер на полушаге, словно спохватился, дотянулся рукой до ближайшего стула и тяжело сел.

Он слишком хорошо помнил, как эти люди избавились от Ракли. Без малейшего сомнения и угрызения совести, которой, судя по всему, у них отродясь не водилось. Причем избавились не сами, а его же руками. Его и Демвера, отца Гийса, до недавнего времени отвечавшего за всех свергов. Тогда они оба полагали, что это единственно правильное решение в складывавшемся положении. Слишком часто Ракли захватывал бразды правления в свои руки, никого не спросив и требуя неукоснительного подчинения. Потеря целого большого отряда, посланного в Пограничье после гибели в огне одной из самых близких к Вайла'туну застав, окончательно подорвала их прежнюю веру в его понимание происходящего. Ракли пережил себя. Добровольно отказываться от власти в пользу тех, кто многое знал и умел лучше него, он ни за что бы не стал. Поэтому им пришлось применить силу. Сверхы подчинились Демверу, мерги – ему, Тивану. Кроме того, весьма весомым подспорьем в этом непростом деле оказались силфуры, щедро предложенные Томлином и Скирлохом в качестве награды за повиновение. Нельзя сказать, что брат поднял руку на брата, однако ближайший круг Ракли, его обычная свита и телохранители, были частично схвачены и заточены вместе с ним в подземные клетки до лучших времён, частично перебиты. Вскоре после чего наступила очередь Демвера, который, похоже, оказался не то совестливее, не то пугливее Тивана, и в итоге отважился на второе предательство: среди бела дня выкрал из хранилища священные доспехи Дули и скрылся с ними в неизвестном направлении. Как потом выяснилось, направление он избрал самое что ни на есть неподходящее – Пограничье с поджидавшими его там дикарями. Правда, Тиван до сих пор отказывался верить в эту побасенку, которую многие подхватили как достоверную, причём со слов якобы видевшего его там сына, сидящего сейчас здесь же, Гийса. Что касается этого желторотого выскочки, то поначалу Тиван, как и все, был рад его возвращению из плена, в котором тот оказался по недоразумению. Однако очень скоро выяснилось, что сына Гийса, раньше всегда такого скромного и мягкого, можно сказать, подменили. Поначалу он перестал узнавать своих бывших друзей по замку, среди которых был, к примеру, Норлан, сын Тивана, и большую часть времени проводил не где-нибудь, а в тёмном хозяйстве главного писаря Скелли, тоже немало потрудившегося для успешного осуществления перехода власти от Ракли к новым хозяевам. Вскорости появился слух, будто Гийс вернулся домой из плена не только живым и здоровым, но и с украденными его отцом доспехами, то есть совершив в определенном смысле подвиг, за который его не нашли ничего лучше как поставить на прежнюю должность канувшего в небытие Демвера. Так Гийс в одночасье встал вровень с ним, Тиваном, встал прочно и нагло. Потому что на самом деле никаких доспехов он с собой не принёс. Зато вместо них он доставил отчаявшемуся Томлину его тоже на время пропавшего сына, гадкого во всех человеческих отношениях уродца по имени Сима. Этой услуги Гийсу, похоже, сразу хватило на всё и про всё. Ибо когда на днях Тиван не выдержал воцарившейся вокруг него наглости и, ведомый праведным гневом, заглянул в хранилище... доспехи Дули в самом деле оказались на месте. Конечно, это были не те самые, настоящие доспехи, которые привёз из Пограничья Локлан, сын Ракли, но довольно похожие, выкованные кем-то из умелых кузнецов, который впредь будет махать своим молотом да помалкивать. Тиван тогда с отвращением плюнул и решил при случае вывести наглого обманщика на чистую воду, но случилось то, что случилось: внезапное появление неведомого врага смешало все планы, и только что выяснилось, что слово старого и опытного воеводы ничто по сравнению с запальчивой глупостью едва оперившегося птенца. А это в свою очередь означало необходимость принять решение, которое он по слабости своей старался как можно дольше оттягивать...

– Так-то лучше, – сказал Томлин, сразу же словно забыв о существовании Тивана, и обратился к Гийсу: – Ты думаешь, они пойдут на переговоры?

– Очень скоро мы это узнаем.

– Этот ответ не годится.

– Другого у меня нет.

– Хорошо. – Томлин встал и прошелся вокруг стола. – Ты говоришь, что видел их в деле.

– Как вас сейчас.

– Тогда спрошу так: по-твоему, с ними можно вступить в переговоры?

– Если бы не тот придурок, начальствовавший над рудокопами или как их там и решивший показать свою удаль, думаю, драки могло и не состояться. Они пытались с нами заговорить и не спешили обнажать мечей.

– Их язык похож на наш?

– Сейчас уже не помню. Но, скорее, нет, не сказал бы. Хотя Хейзит... Хейзит с их главным пытался заговорить, объяснял, кто мы и тому подобное. Если бы не Брук, кто знает...

– Любопытно. – Томлин остановился за спиной Скирлоха. – Надо бы поскорее вызвать из Обители Матерей какую-нибудь толмачку потолковее. Они там чего только ни изучают. Раз даже какой-то Хейзит нашёл с ними общий язык... Продолжай.

Гийс пожал плечами.

– Я всё сказал.

– Тут Тиван прав – до такого и я смог бы додуматься. – Томлин продолжил поход вокруг стола. – Что именно ты предлагаешь нам делать?

– Когда я сегодня утром пробирался сюда, – вмешался Скирлох, – люди уже покидали дома и начинали толпиться возле замковых ворот. Мы будем их впускать?

– Замок для этого и существует, – негромко заметил Тиван, глядя в пол.

– Даже если размещать народ на ристалищном поле, мы не вместим всех желающих. – Гийс рассматривал свои ногти. – Вайла’тун слишком разросся с тех пор, когда замок предназначался служить укрытием. Люди могут сами понять, что им лучше идти вверх вдоль реки. Тогда они окажутся у нас в тылу и вдали от неприятеля.

– Ну так пойдите и скажите им об этом! – снова не выдержал Тиван. – А заодно заставьте после этого своих свергов биться насмерть за замок, зная, что их семьи не под его защитой. Поглядим, сколько времени вы выстоите.

Томлин молча подошел к стене и несколько раз потянул скрытый за драпировкой шнур. Где-то в нижних этажах башни тотчас же раздался мелодичный звон колокольчика, зов которого услышала Ильда и дежуривший в то утро вместе с ней Арли, её муж. С недавних пор его перестали посылать в отдаленные уголки Вайла’туна, вероятно, потому что все основные приематели решений теперь с утра до ночи находились здесь.

– Иди ты, – сказала Ильда. – Это из тронной залы. Они там уже давно заседают. Да не забудь спросить, принести ли им что-нибудь перекусить.

– Яду бы им принести, – поморщился Арли.

– Не говори глупости! – Ильда в страхе замахала руками. – Тебя могут услышать. Или ты забыл, что случилось с беднягой Сартаном, а через него и с Пролом, его дядей и нашим незаменимым поваром? И это при том, что вина Сартана в попытке отравить Скелли так и не была доказана.

– Ну вот видишь, – ответил Арли, кисло улыбаясь жене, – теперь совсем необязательно что-нибудь на самом деле совершать, чтобы оказаться на плахе. Так что уж не мешай мне хотя бы мечтать.

– Балбес! Боюсь, мы скоро все там окажемся. Великаны нас на котлеты пустят. Если ты не поторопишься, потому что просто так в этот колокольчик, как ты знаешь, не звонят. Ступай скорее!

Арли спорить не стал. Он вышел из комнаты и устремился вверх по головокружительной лестнице, чтобы вскоре оказаться перед плотно закрытыми дверями тронной залы. Осторожно дернул одну створку и заглянул внутрь.

– Заходи, – сразу же заметил его появление Томлин, меривший шагами пространство вокруг стола, за которым сидели ещё трое. – Ты посыльный?

– Да, я Арли, вита Томлин...

– Своё имя можешь оставить при себе, любезный. Лучше скажи, знаешь ли ты прямой ход в Обитель Матерей?

– Прямой ход?

– Понятно – не знаешь...

– Вы имеете в виду подземелье, вита Томлин?

– Так, значит, все-таки знаешь?

– Я посыльный и потому должен много чего знать.

– Как победить врагов?

– Что?..

– Ты случайно не знаешь, как нам победить наших врагов? – уточнил Томлин с усмешкой, от которой Арли захотелось побыстрее вернуться к жене.

– Нет, вита...

– Скирлох, ты закончил? – Томлин уже забыл о нём и теперь заглядывал через плечо толстого человека с клокастой чёрной бородой, который всё это время что-то писал, склонившись над столом.

– Почти. Как ты сказал, Гийс? «Азвенеды»? Он так себя называл? Или с двумя «д»?

– Откуда я знаю? – пожал плечами юноша, в котором Арли не сразу признал того самого Гийса, который совсем недавно был простым фултумом и одевался куда как скромнее.

– Не занимайся ерундой! – в сердцах воскликнул Томлин. – Подписывайся, запечатывай и отдавай нашему стремительному гонцу. Ты ведь умеешь носить письма в Обитель?

Это уже относилось к Арли.

– Да, вита Томлин. Мне отдать его и вернуться?

– Молодец, что спросил! Ты ведь не знаешь, что в послании... Нет, тебе придется подождать. Когда это письмо попадет в нужные руки, придёт какая-нибудь женщина, которую ты должен будешь препроводить сюда, в замок, в эту комнату. Времени у нас крайне мало, так что я не стал бы возражать, если бы хотя бы в ту сторону ты пробежался с ветерком. Если женщина окажется не слишком старой, тоже торопи её. Ну что, Скирлох?

– Готово.

В комнате запахло сургучом. Письмо было на тонкой коже, свёрнуто в трубочку, перевязано и надёжно запечатано.

– Всё, поспешай, Арли, если такое имя дали тебе при рождении, и знай, что от твоего проворства зависит жизнь многих достойных людей.

Только этого ещё не хватало, подумал он, выходя из залы. С утра у него побаливала правая нога, а недавний стремительный подъем по лестнице усугубил ноющее ощущение где-то внутри бедра. Ничего, как-нибудь доковыляю.

На лестнице он столкнулся с виггером, который сломя голову взбегал навстречу.

– Что там у вас? – посторонился Арли, однако виггер только сверкнул на него злым и одновременно испуганным взглядом и промчался мимо, тяжело дыша.

Он вбежал в тронную залу как раз в тот момент, когда там воцарилось напряженное молчание, вызванное вопросом Томлина «И что теперь?».

– Началось! – воскликнул виггер, хватаясь за грудь, словно пытался удержать рвущееся дальше сердце. – Они напали на нас!

– Тэвил! – прорычал Тиван, вскакивая. – Говорил же я вам!

- Издалека ли ты бежишь? – Голос Гийса прозвучал неуместно буднично.
- Со стены... мы там только что увидели...
- Как ты попал в виггеры, приятель?
- Что?!

– Тебе достаточно добежать со стены досюда, чтобы так запыхаться? Надеюсь, он из ваших мергов, – повернулся Гийс к Тивану. – Потому что с такой выносливостью наших воинов тут делать нечего.

Тиван не принял вызов. Ему уже не было никакого дела ни до Гийса с его манией величия, ни до Томлина, державшего себя так, будто он всего лишь на чужом празднике, ни тем более до Скирлоха, при всём своем богатстве умевшем играть роль разве что тупого мешка с отрубями. Он ухватил гонца за плечо, встряхнул, не то его, не то себя, и приказал:

– Веди!

– Наш храбрый друг забыл, где находится стена, – услышал он брошенный вслед, как плевок, смешок Гийса.

Нет, подумал Тиван, не забыл. А вот ты, если свершится чудо, и мы все-таки выживем, забудешь наверняка...

Он попытался по пути расспросить гонца о случившемся, но тот только головой мотал, говорил сбивчиво и невразумительно. Мерги и в самом деле далеко не все обладали силой и здоровьем свергов, привыкшей таскать на себе тяжеленные доспехи. Их задача состояла в том, чтобы надёжно сидеть в седле и владеть всеми видами оружия так, чтобы случайно не задеть коня. В пешем строю цена их отваги была невелика, хотя на памяти Тивана бывали случаи, когда мерги творили чудеса доблести, оказавшись и на земле. Собственно, он сам когда-то был далеко не последним из них, за что много зим тому назад ещё Гер Однорукий, отец Ракли, сделал его сперва *брегоном*, а потом и *херетогой*³. Своих воинов он тоже старался воспитывать и обучать таким образом, чтобы они могли постоять за себя и за товарищей, сражаясь с ними плечом к плечу, а не только с высоты конской холки. Во всяком случае, ему удалось таким образом воспитать своего единственного сына, Норлана, который сейчас тоже, наверное, стоит где-то на стене (Тиван слукавил, когда сказал, будто отправил его к фолдитам) и с трепетом наблюдает за происходящим.

А наблюдать было за чем.

Когда Тиван следом за провожатым появился на рантах, чёрная масса у Пограничья значительно приблизилась к дальним постройкам Вайла'туна, оттуда уже доносились едва различимые с такого расстояния крики, хотя дыма пожаров, чего извечно боится больше всего каждый вабон, видно пока не было. Зато были видны первые ряды наступающих – могучих всадников в сверкающей на морозном солнце не то чёрной, не то синей броне, причудливых шлемах, тянущих за собой разноцветные ленты, с длинными копьями наперевес и вытянутыми щитами, прикрывающими ноги, а заодно и бока лошадей. Что и говорить, если у них такие всадники, какими же крепкими и неутомимыми должны быть их кони!

Узнавшие Тивана воины посторонились.

- Ну что, будем стоять и пялиться? – громко выкрикнул кто-то слева.
- Пусть только подойдут! Уж я угощу их отборными стрелами, – ответили ему справа.
- Почему ворота не открывают? Вона сколько народа внизу околачивается. Всех внутрь надо!
- Приказа не было.
- Иди к Квалу с твоим приказом! Эй, открывайте!
- Почему фолдиты медлят? Ща самое время в бочину им вдарить.
- Не медлят. Не видишь что ль – тронулись наперерез.

---

³ *Брегон* – десятник, *херетого* – сотник

- Почему мы-то тут сидим? У меня гостинцев для всех припасено.
- Заткни глотку и жди!
- Дождешься тут...
- Да не было приказа выдвигаться, говорю!
- Смотрите, они уже между домов просачиваются!
- Открывай ворота!
- Фолдиты! Фолдиты пошли!
- Молодцы!
- Заткнись!
- Ворота, откройте ворота!
- Я не могу на это смотреть. Кто со мной? Встретим гадов!

Во мгновение ока вокруг Тивана всё смешалось. Самого же его как будто не стало. Никто не обращал на начальника мергов внимания. Все что-то делали, словно наперёд, лучше него знали, как следует поступать.

А эти, в башне, сидят и гадают, что предпринять, подумал он, продолжая вглядываться в угрожающе-черную массу, натекающую на Вайла'тун. Да кому нужны их умные планы! Сейчас происходит то, чего никогда не происходило раньше, чего никто не ожидал и что отбивает всякую охоту сидеть, сложа руки.

Потом он заметил устремленные на него взгляды. Нет, далеко не все поддались панике. Его наконец заметили. Заметили те, кому возня и толкотня на рантах мешали сосредоточиться, как и ему. Кто хотел чёткости в понимании своей задачи и был готов действовать, но не слепо, по наитию, а так, как должно действовать защитнику своего дома – быстро, хладнокровно и безжалостно.

Тиван улыбнулся.

– Херетоги, ко мне! – хрипло крикнул он, краем глаза подмечая появление при выходе в башни Гийса, уже не такого полусонного и напыщенного, как в тронной зале. – Ворота открыть! Впустить людей! Разместить, сколько можно. Остальных уводить подальше, за Вайла'тун. Помочь с подводами. Нам сегодня кони не понадобятся. Всем мергам приказываю вооружиться стрелковым оружием и рассыпаться по крышам изб по ходу следования врага. Стрелять наверняка. В открытый бой не вступать. Ризи, – ткнул пальцем в грудь полноватого воина с короткой стрижкой и тщательно выбритым подбородком, – твоя сотня пусть остается в замке. Занять внешнюю стену. Использовать луки и арбалеты. Если враг сумеет добраться досюда, встречать залпами.

Выкрикивая всё это, Тиван украдкой следил за Гийсом, ожидая, когда тот вмешается и попытается отменить его приказы. Юноша смотрел зло, но молчал.

Херетоги передали услышанное брегонам, и вот уже поток воинов с луками и арбалетами наперевес радостно заструился через ворота, навстречу другому потоку – женщин, детей и стариков, пытающихся прорваться в заветное укрытие.

– Фолдиты! Фолдиты! Они вступили в бой!

Тиван позабыл о Гийсе и глянул в том направлении, куда указывал палец Ризи.

Действительно, фолдиты нестройной толпой преодолели отделявшее их от врага расстояние и ударили ему в бок. Оставалось лишь удивляться, почему чёрные всадники не предугадали этого отчаянного шага. Что именно там происходило было видно плохо, мешали крыши домов, по которым то здесь то там уже ловко карабкались недавние мерги.

– Где сверы? – послышались возмущенные выкрики. – Почему они медлят?

Тиван с удовлетворением отметил, что Гийса окружают его более опытные соратники, не привыкшие отсиживаться в кустах, когда речь идет о решительных действиях. Среди них хватало доблестных воинов, как десятников, так и сотников, которые не посмотрят на цвет и количество нашитых на его куртку лепестков и поступят так, как велит им совесть. Подчи-

няться, когда нужно взять в плен отвергнутого военачальника, – одно, а вот следовать приказам, вернее, соглашаться на их отсутствие, когда гибнут соплеменники, – совсем другое. Гийс не хотел понять, что на уровень его нынешнего поста не поднимаются люди случайные. Его занимают лишь те, кто заслужил на это право своей честной службой и самоотверженными поступками ради других. И если он сейчас поступит не по совести, промедлит, ему никогда уже не вернуть прежнее доверие виггеров.

Вероятно, Гийс всё-таки это в последний момент осознал, потому что, хотя говорил он негромко, сверы пришли в движение, десятники один за другим уходили со своими отрядами прочь со стен, фултумы, помощники сверов в легких кожаных чешуйчатых панцирях, надетых прямо поверх кольчужных рубах уже ждали своих подопечных на ристалищном поле с заранее заготовленными тяжелыми доспехами, помогали их застёгивать, отмахивались от любопытных мальчишек, зачарованных этим невиданным зрелищем, и смело шли по мосту через ров первыми, расчищая сверам дорогу мечами или длинными копьями.

– Они сами напросились! – крикнул кто-то, разделяя скрытое под маской сосредоточенности ликование Тивана. – Зададим им жару, братки!

По тому, что укрывшиеся на крышах мерги уже начали ожесточенную стрельбу, стало понятно, что враг, несмотря ни на что, проник в Вайла'тун достаточно глубоко. Беженцы перестали прибывать. Очевидно, молва о происходящем уже достигла ушей большинства, и люди решили ни на кого не надеяться, а бежать побыстрее да подальше от угрозы быть убитыми.

И тут пошел снег.

Нет, не пошел, а буквально повалил с затянувшегося серыми тучами неба, моментально превратив всю картину боя в непроглядную молочную завесу. На кромках стен и под ногами за какие-нибудь несколько мгновений образовался снежный покров в ладонь глубиной. А снег всё сыпался и сыпался, не зная конца и устали. Белые мушки застилали глаза и скатывались слезами по обветренным щекам озадаченных виггеров. Никто не мог понять, радоваться или огорчаться. Ведь если враг теперь творит разбой под прикрытием снега – его трудно распознать и уничтожить, если же снежная буря отпугнула его – это нечаянная радость и благо для всех, кто жив и готов после вынужденной передышки вернуться к выяснению отношений с новой силой.

– Ну, что там? – Тиван поймал за рукав спешившего мимо фултума. – Ты снизу?

– Снизу-то снизу, да только ничего там не видать, – чуть не отмахнулся парень, не узнав военачальника.

– Где Норлан? – рявкнул Тиван, отпуская фултума и оглядываясь по сторонам в поисках сына. – Кто видел Норлана?

Он чуть не поскользнулся, утаптывая снег, но успел ухватиться за деревянный поручень.

У них с сыном была негласная договоренность о том, что Норлан, вернувшись из не слишком удачного похода в Пограничье, недовольный собой и исходом предприятия, но зато живой, станет при отце кем-то вроде осведомителя. Те помощники, что были у него прежде, стойкие и надёжные, оказались верны Ракли и разделили его плачевную участь. Новых он не нашёл. У Демвера их отродясь не было. Вот и решили, мол, ему тоже не положено. Демвер сморозил глупость, его больше нет, а он так и остался, как показала эта атака, отдающим приказание, но отдающим вслепую, хоть и с высоты замковых стен.

– Норлан!

– Я здесь, отец.

Из пурги ему навстречу выступил знакомый плащ с капюшоном.

– Норлан, Тэвил! Скажи хоть ты мне, что там творится? Ты был внизу? Где вражина?

– Отступил...

Норлан был молод, однако его довольно приятное худощавое лицо уже украшали тонкие усы, переходившие в остренькую бородку. Сейчас всё это превратилось в одну некрасивую сосульку, мешавшую говорить.

– Ты сам видел? – Тиван по привычке поймал руку сына и притянул к себе. – Мы не имеем права ошибаться.

– Я знаю, что говорю, отец. Снег обратил их в бегство.

– Снег...

– Мне донесли, что двоих удалось сбить с лошадей и захватить в плен. Их сейчас ведут сюда.

– Прекрасно! – Тиван поискал глазами ещё кого-то. – Пусть проводят их в тронную залу.

– Я выясню.

– Что ты собрался выяснять?

– Как я понял, их хотел допросить Гийс. Это его сверы их скрутили...

– Тэвил! Почему так получается, что всё теперь достаётся ему? Он ведь палец о палец не ударил!

На самом деле в голове Тивана крутилось сейчас гораздо больше вопросов. Прежде всего, будучи опытным военачальником, он никак не мог взять в толк, кто додумался нападать на Вайла'тун в самый разгар зимы. Тем более на конях. Тем более сходу, без должных приготовлений. Со стороны это смахивало на попытку самоубийства. Будь сейчас лето, тут бы уже всё лежало в руинах. Но зима – другое дело. Внезапный снег – лишь подтверждение его мыслей. Кони вязнут и проваливаются, холод, короткие дни, быстрые сумерки и долгая ночь, наконец, избы, промёрзшие настолько, что ни одна зажигательная стрела им не страшна. Чтобы отважиться на такое, нужно либо безмерно верить в свои силы, либо быть полным дураком и невеждой в ратных делах. Либо...

– Я слышал, ему помогает сам Скелли.

– Что? – Тиван не сразу сообразил, о чём говорит ему сын. – А, ты про Гийса? Да, я знаю. Его обман пришёлся ко двору. Нам с тобой нужно держать ухо востро. Ступай к своим и выясни поподробнее, что происходит. Думаю, при таком ветре снег скоро пройдет.

– Но я бы хотел присутствовать при допросе...

– Вряд ли он произойдет очень скоро. За толмачихой из Обители послали только перед самой атакой. Её ещё нужно отыскать и доставить в замок. Так что времени – целая Бехема. Сейчас гораздо важнее понять расстановку сил. Выясни, сколько погибло наших и позаботься о том, чтобы убитых врагов тоже не оставили лежать на улицах. Надо глянуть на их вооружение и доспехи. Пригодится, чтобы понять, как вести себя с ними дальше.

– Я сделаю.

– Не сомневаюсь. И будь осторожен.

Норлан кивнул, натянул капюшон на самые глаза и растворился в снежной пелене.

Третья возможная причина безрассудного нападения представлялась маловероятной, если не сказать сумасшедшей, однако Тиван слишком хорошо помнил историю с пожаром на первой заставе, положившим начало концу правления Ракли. Иногда, чтобы обрушить избу, достаточно выбить один-единственный колышек, если знаешь, какой. Любой снегопад – это всего лишь отдельные крохотные снежинки. В одиночестве они безропотно тают на ладони. Но когда их много, они могут обратить в бегство целую армию. Если на тебя нападает свора диких собак или дикарей, уничтожь вожака, и ты победил. Вот так же и с напастями. Стоит умело подтолкнуть одно событие, как за ним следует череда управляемых катастроф. Важно только занять правильную позицию в стороне и ждать удобного случая, чтобы выступить в роли спасителя. Тогда любые жертвы окажутся ненапрасными. Возможно ли такое, чтобы среди пришедших сюда врагов оказались те, кому было бы выгодно собственное поражение? Если задать этот вопрос вслух, можно самого себя посчитать умалишенным. Войны не затеваются с надеж-

дой на поражение. Но разве эта война? Больше смахивает на отчаянный наскок обезумевших от голода шеважа, нежели на продуманное действие хорошо обученных воинов. Словно кому-то не терпится принести богатую жертву Квалу.

– Ну, так что, вы намерены продолжать со мной спорить? – было первым, что он услышал, когда чуть ли не на ощупь добрался до входа в башню.

Гийс всем своим видом показывал, будто уже давно поджидает его. Они вошли внутрь, поплотнее прикрыли за собой дверь и отряхнулись. Гийс не скрывал самодовольную улыбку.

– Хороши бы вы были с вашими мергами, если бы бросились им навстречу! Ещё отец заповедовал мне никогда не спешить, коли есть время. Что скажете?

– Скажу, что если бы не буря, у вас сейчас было бы совсем другое настроение.

– Буря! Зимой подобные вещи не редкость. Нужно взвешивать все возможности.

– Я слышал, вы захватили пленных.

– У вас тонкий слух!

– Не жалуясь. Толмачихи ещё нет?

– Знаю не больше вашего. Надеюсь, наш гонец поспеет вовремя. А то мои люди уж больно охочи до расправы. Вы ведь тоже были по-своему правы: мне доложили, что с той стороны, откуда они двигались, много наших полегло. Теперь объявилось немало желающих идти мстить. Полагаю, когда снег утихнет, нам будет непросто их сдержать. Тогда ваш план срывается сам собой.

– Гнев – плохой помощник в бою.

– Не спорю. Поэтому надо как можно скорее разобраться, с кем мы имеем дело. Хотите сопроводить меня к пленникам?

Тиван не ответил, и они молча поспешили вниз по лестнице, туда, где в подземелье замка, вдали от посторонних глаз и ушей содержались неугодные правителям подданные. Или старые правители, неугодные новым. Содержались ровно столько, чтобы раскаяться в своих деяниях и тихо покинуть этот ставший негостеприимным мир.

Здесь царили холод и темень. Не такой холод, как на улице, разумеется, но достаточный, чтобы даже не подумать снять шубу. Тиван только расстегнул ворот. Света факелов хватало лишь на то, чтобы не оступиться на крутых ступенях. Гийс шёл первым, шёл уверенной размашистой походкой, столь не свойственной ему прежде.

Собственно, прежде Тиван его почти что и не замечал. Нельзя было даже сказать, что Гийс прячется в тени отца. Он оставался вне этой тени. Демвер большую часть времени проводил на ристалище или в тронной зале, тогда как его сын постоянно уединялся где-то среди беор, слушая наставления покойного Вордена и не проявляя ни малейшего внешнего интереса к делам ратным. И вот такое превращение! Как же мало мы знаем наших близких! Неужели и Норлан когда-нибудь покажет свой истинный лик? Ну уж нет, этого мальчика Тиван знал, как облупленного. Быть может однажды он и в самом деле займёт его место, но уж точно не ценой предательства и подковёрных интрижек...

Последний раз Тиван спускался сюда в тот день, вернее, в ту ночь, когда они сажали в клеть изрядно избитого, хотя и не сломленного до конца Ракли. Накануне был совет, на котором Тиван оказался прилюдно унижен и оскорблён, так что никаких лишних мук совести он не испытывал и искренне считал, что поступает верно. Ракли за глаза ненавидели если не все, то многие. Самомнением и постоянно чинимой несправедливостью тот умудрился настроить против себя даже недавних близких друзей, а когда за ним пришли, первым схватился за оружие и стал рубить и колоть направо и налево, невзирая на лица. За что ему в итоге и досталось. Вспоминая сейчас себя в тот момент, Тиван не мог сказать наверняка, кто именно бросил клич идти свергать супостата. Очень может быть, что это был он сам. Точно не Демвер. Хотя Демвер не возражал, не отговаривал и добровольно присоединился к остальным. Охранников Ракли, тех, кто не сложил оружия, они изничтожили сообща. В побоях Ракли Демвер

участия не принимал, тогда как Тиван разошёлся не на шутку и, чего греха таить, несколько раз от души приложился к выплевывающей кровавые проклятия физиономии. С тех самых пор он больше ни разу не навестил Ракли и лишь слышал донесения о том, что тот вроде бы пока жив, хотя и не сказать, чтобы здоров. Если так, то у пленника оказалась отменная выносливость, поскольку обычно здесь хватало нескольких дней, чтобы отправиться, минуя объятья Квалу, к праотцам.

На самом деле клетки не имели ничего общего с клетками, и было непонятно, откуда они получили такое сбивающее с толку название. Возможно, когда-то пленников, действительно, сажали в клетки, но тогда неясно, где эти клетки стояли. Потому что в этой части подземелья было лишь одно более или менее просторное помещение, служившее комнатой для допросов. Второе, с низким потолком, было сплошь, как кротовыми норами, изрыто узкими дырами, через которые несчастных спускали под землю, в каменные мешки глубиной в два человеческих роста, после чего верхнее отверстие, как кастрюля, закрывалось решётчатой крышкой. Крышка эта в свою очередь крепилась к полу здоровенными железными крюками, так что поднять её изнутри не представлялось возможным. Единственной связью пленника с внешним миром служила отныне цепь, начинавшаяся на его железном ошейнике и заканчивающаяся ещё одним мощным напольным крюком в шаге от отверстия.

Тиван никогда особо этим негостеприимным местом не интересовался. На то здесь испокон веков назначался специальный человек, именовавшийся палачом и успешно совмещавший два этих полезных занятия. Последний палач, увы, оказался слишком мягким человеком, попавшим на эту должность ещё в бытность Ракли, а потому его сочли ненадёжным и заменили, как только одна из клеток пополнилась столь необычным жильцом. Ведь прежняя история замка не знала случаев, чтобы его хозяева спускались сюда не в качестве судей, а в качестве изменников. Однако рано или поздно, как гласит мудрость, всё меняется, так что пришлось менять и палача. Теперь им был хмурый детина по имени Акир, сын Роджеса, тоже некогда служившего палачом и разжалованного Ракли за то, что отказался казнить своего подопечного, заподозренного в заговоре против старшего брата. Братом этого подопечного был не кто иной как Локлан, старший сын Ракли. Соответственно, клятвопреступником оказался его второй сын, младший брат Локлана Ломм. Вот такая невесёлая семейная история. Акир был по происхождению эдедем и всей душой ненавидел Ракли в память об отце. Во всём Вайла'туне трудно было сыскать более подходящего надсмотрщика за родовитым пленником. Акир нёс свою службу исправно и сейчас встречал промёрзших гостей невесёлыми кивками лохматой головы и крепкими рукопожатиями.

– Их отвели в допросную, – только и сказал он, демонстрируя врожденную пронизательность.

Допросной, собственно, и была единственная здесь комната. Сегодня в ней горели все без исключения факелы, так что воздух успел прогреться, и Тиван с удовольствием избавился от шубы. Гийс не последовал его примеру. Казалось, он вообще позабыл о его существовании, когда увидел две крупные фигуры, распростертые на полу.

Несколько свергов и фултумов, всё ещё измазанные в чужой крови, сосредоточенно возились над ними, приковывая за руки и за ноги к большим деревянным щитам, которые потом можно было легко поднять и приставить к стенке. Обычно в таком положении пленники оказывались совершенно беспомощными и потому весьма стоворчивыми.

Их уже раздели, и потому Гийс первым делом направился к груде доспехов, сваленных в углу. От доспехов пахло весной и полевыми цветами. Тиван недоуменно остановился. Повёл носом, решив, что обознался. Но нет, аромат исходил именно от доспехов: радостно-разноцветных, украшенных лентами, словно гости пожаловали на праздник прощания с зимой и просто забыли облачиться в заранее заготовленные наряды.

Гийса, казалось, ничего не могло смутить. Он наклонился, запустил руку в середину кучи и выпрямился с высоким, темно-зелёным шлемом, похожим на шлемы виггеров разве что островерхим шишаком. В остальном шлем производил впечатление мастеровитой поделки какого-нибудь умелого ткача, а вовсе не кузнеца. По тому, как держал его Гийс, было видно, что он очень лёгкий. При этом насаживался он на голову глубже, чем обычный, полностью закрывая уши и большую часть шеи. Если виггеры для лучшей защиты пускали по ободу шлема кольчужью навеску, то доспех в руке Гийса выглядел одним целым, точно отлитым, а не выкованным из легчайшего металла, без единой клёпки.

Когда сверы вступали в бой, они опускали на лицо сплошное забрало, имевшее узкие прорезы для глаз, что предохраняло от стрел дикарей, но мешало обзору. Обычные воины лиц не прикрывали. Здесь же в качестве прикрытия использовалось спускающееся прямо со лба некое подобие птичьего клюва, который едва ли спас бы от стрел, но зато при отвесном ударе мечом пустил бы лезвие мимо носа. Подметив это, Тиван сделал скоропалительный вывод о том, что вторгшиеся в Вайла'тун пришельцы плохо знакомы со стрелковым оружием.

Тыльная часть странного шлема, наоборот, казалось, была выполнена с умыслом удерживать на себе все удары: здесь располагался высокий гребень, очень смахивающий на петушинный, опять-таки слитый со шлемом воедино, без клёпок и расчленений. Резкой дугой гребень взмывал к вершине шишака и там причудливым образом разветвлялся без видимой причины и надобности. Единственная цель этого разветвления, похоже, заключалась в том, что здесь крепились совершенно несуразные разноцветные ленты, в данном случае – зеленые, синие и белые. Зачем они нужны, кроме как мешать сражаться и напоминать наряд расфуфыренной красавицы, Тиван в толк взять не мог.

Гийс осторожно положил шлем на пол и поднял второй, очень похожий на первый, только на сей раз красивого темно-синего, почти чёрного цвета, причем краска была какая-то яркая, не обычная, словно ледяная, отчего шлем загадочно переливался при свете факелов. Вместо гребня на нём по бокам от шишака красовались два коротких рога – жёлтый и чёрный. Острия рогов обвивало по три ленты: на жёлтом – белая, синяя и чёрная, на чёрном – чёрная, жёлтая и красная.

Тиван с интересом подошел ближе и решил взять с груди доспехов то, что принял поначалу за обыкновенный нагрудник. Нет, конечно, не обыкновенный, очень лёгкий и при этом такой прочный, что, казалось, будто его ни разу толком не надевали: никаких трещин и вмятин, кроме нескольких неглубоких царапин, на всей его блестящей зеленой поверхности видно не было. Сверам чуть ли не после каждой стычки с шеважа приходилось свои железные латы именно что латать, особенно если враг попадался вооруженный топором или палицей.

Между тем доспехи ожили и следом за нагрудником потянулись рукава, подол, а за подолом – длинные ножники. Всё это, как оказалось, было соединено посредством железных креплений в единый боевой наряд, в который воин, судя по всему, мог без особых трудностей забраться целиком через широкое отверстие на спине. Это отверстие открывалось, стоило растегнуть нехитрый замок на поясе и, как крышку, откинуть в сторону весь спинной доспех.

– Неплохо, – хмыкнул Гийс, обращая внимание Тивана на изнанку, точнее, на подкладку доспехов. Она представляла собой очень тонко сотканную ткань, гладкую и прочную, с излишним узором из прямых, пересекающихся как лестничные перекладины линий, плотно подбитую изнутри чем-то мягким и упругим. Сверы ничего подобного отродясь не имели, нахлобучивая доспехи просто поверх повседневной одежды. А здесь подкладка сплошняком покрывала всю внутреннюю часть, отделяя человека от холодного железа. Было видно, что создатели всей этой красоты не пожалели времени, чтобы сочетать безопасность и удобство.

Что касается оружия, валявшегося здесь же, оно такого изумления у выдавшего виды военачальника не вызвало. Разве что мечи подлиннее привычных, и не в простых кожаных ножнах, а в дорогих железных, украшенных причудливым орнаментом. Да щиты круглые и слишком

маленькие, чтобы выглядело особенно странно, поскольку Тиван был уверен, что видел в руках нападавших другие щиты – длинные, закрывающие ноги всадников и левый бок лошади. В центре на обоих щитах, зелёном и тёмно-синем, был выдавлен изнутри причудливый крест с кривыми загогулинами на концах. Как будто четыре ноги шли по кругу одна за другой.

– А это что, цеп? – не сдержался Гийс, крутя в руке палку длиной в локоть, заканчивающуюся цепочкой, другой конец которой венчало подобие приплюснутого с боков яблока, вырезанного не то из дерева, не то из кости. – У наших фолдитов что ли отобрали?

Простому виггеру простительно не знать таких вещей, подумал Тиван, но если ты метишь в военачальники, будь любезен поумнеть.

– Это кистень, – ответил он вслух. – На цеп похож, но не цеп. Вещь хорошая. Говорят, раньше мы тоже такими пользовались. Давно их не делают, но у некоторых оружейников их ещё можно в закромах найти.

Гийс кивнул, сознавая, что дал собеседнику повод посмеяться над собой. Поддел ногой выглядывающее из-под доспехов круглое остриё и вытащил на свет короткое, обоюдоострое копьё, едва достающее ему от пола до плеча.

– Странная вещица, – заключил он, имея, вероятно, в виду неподходящий размер, особенно учитывая, что относительно невысокие вабоны если и пользовались копьями, то значительно длиннее. Взяв его наперевес, Гийс повернулся к пленникам, которых к тому времени уже подняли на щитах и приставили к ближайшей стене. – Нет, этого пока делать не надо, – остановил он сверов, вознамерившихся избавиться их напоследок от перепачканных в крови кожаных штанов. – Мы ждём прихода одной порядочной женщины, так что не стоит доставлять этим отродьям такого удовольствия. Ещё возомнят себя мужчинами.

«Отродья» тяжело дышали, не то от боли и полученных ран, не то от страха перед готовящимся возмездием. Сейчас, поднятые вместе со щитами, они и в самом деле казались великанами, однако, присмотревшись, Тиван решил, что назвал бы их просто крупными. Таких и среди вабонов порой встречались. Обычные богатыри с серовато-голубыми глазами, светлыми, спутанными от пота волосами, и окладистыми, аккуратно стриженными бородами, чего не могла скрыть даже заливающая их кровь из разбитых носов и губ. Тела мощные, загорелые, что сразу бросалось в глаза посреди зимы. Волосы повсюду, на груди и руках, тоже светлые, словно выгоревшие на солнце.

Один был ранен тяжело, в живот, точнее, в бок, где, видимо, доспех не смог защитить его от пронизывающего удара мечом. Кровь клокотала и пузырилась, а это было признаком того, что из раны выходил воздух. Не жилец, подумал Тиван. Второй, похоже, был просто как следует избит и лишь слегка порезан в нескольких местах, очевидно, уже здесь, когда сопротивлялся. В коротких паузах между вздохами умирающий что-то бормотал на неразборчивом языке. Второй иногда отрывисто ему вторил, так что, скорее всего, они таким образом разговаривали между собой, не то прощаясь, не то подбадривая друг друга.

– За лекарем послали? – осведомился Гийс, читая мысли Тивана.

– С какой стати? – удивился один из сверов.

– Ещё раз такое услышу, лекарь понадобится тебе! Позвать срочно!

Растерявшийся свер бросил взгляд на фултумов, и один из них торопливо вышел выполнять приказ.

Наглости мальчишке не занимать, подумал Тиван. Не так давно он сам был на побегушках. А память у сверов долгая.

– Как тебя зовут? – Гийс тем временем остановился перед пленниками и поднял остриё короткого копья к лицу того, кто казался почти невредимым. – Ты меня понимаешь?

Воин скосил на него подбитый глаз с красным белком и смачно плюнул, но промахнулся. Гийс рассмеялся:

– Узнаю манеры шеважа. Даже благоухающие доспехи не могут скрыть гнилое нутро. Думаю, ты меня прекрасно понял, бородастый. Так как твоё имя?

Пленник оставался равнодушным к острию, царапавшему его щёку в опасной близости от глаза. В том, что Гийс способен собственноручно пытаться несчастного, Тиван нисколько не сомневался.

– Не лучше ли дожидаться толмачихи? – напомнил он, усаживаясь на принесенный предупредительным Акиром стул.

– Вы полагаете? – Гийс резко повернулся и невзначай рассёк копьём щёку пленника под самым глазом. – А до тех пор будем сидеть и любоваться ими?

– Не вы ли недавно призывали нас всех к неспешности?

Гийсу явно не хотелось продолжать этот спор в присутствии виггеров. Он забыл о существовании первого пленника и шагнул ко второму. Брезгливо надел перчатку и деловито потрогал рану на боку. Пленник взвыл от боли и забился в цепях мелкой дрожью. Гийсу такой ответ явно понравился больше плевка, и он ткнул пальцем сильнее. Вероятно, пленник потерял сознание, потому что повис, уронив взлохмаченную голову на грудь, и больше не подавал признаков жизни. Его товарищ что-то гортанно закричал.

– Вот видишь, что бывает, когда не хочешь говорить, – наставительно заявил ему Гийс. – А ведь я помню, как в первый раз вы с нами разговаривали, ну, там, у карьера, и мне даже показалось, что мы друг друга понимали. Не хочешь попробовать ещё разок? Хорошо, начнём по-другому. Меня зовут Гийс. Гийс, – повторил он, ткнул себя в грудь и указал окровавленной перчаткой на собеседника. – А ты?

Тот что-то неразборчиво пробурчал в ответ.

– Не слышу!

– *Бивой...* – Пленник повысил голос и поднял глаза на мучителя. – *Разбрат?..*

Гийс восторженно повернулся к Тивану и развел руками:

– Он мне ответил! Вы слышали? Он мне ответил! Я же говорил, что эти ублюдки нас понимают.

– А мы их?

Гийс пожал плечами. Посмотрел пристально на пленника.

– Бивой?

Тот устало кивнул.

– Разбрат?

Снова кивок, безучастный.

– Тэвил! – Гийс понял свой просчёт.

– Его зовут Бивой, – послышался чей-то спокойный голос.

Никто и не заметил, как вернулся фулдум с лекарем. Мунго стоял на пороге, словно приглядываясь к происходящему, прежде чем войти. Тиван нечасто сталкивался с ним в замке прежде, однако всякий раз испытывал необъяснимую робость. Не то виной тому был странный нос лекаря с приплюснутыми ноздрями, не то – копна кучерявых волос, черноту которых, казалось, не брал никакой возраст. При этом зим Мунго было немногим меньше, чем самому Тивану.

– Ты знаешь его язык? – ухмыльнулся Гийс, уступая место перед пленниками тому, кто должен был теперь позаботиться о том, чтобы они вкушали пыточных мук как можно дольше. – Я думал, ты лекарь.

– Я тоже так думал. – Мунго повёл носом, увидел источник приятного запаха, и одна бровь его изумленно поднялась. – Но уж больно этот «Разбрат» показался мне похожим на «разбирать» в смысле – «понимать». Выходит, это не его имя.

– Умный лекарь, – протянул Гийс, стараясь не смотреть на хитро прищурившегося Тивана, которого эта словесная перепалка с новым неожиданным союзником приятно позабавила.

– Глупцов и без меня хватает.

Гийс хотел было что-то возразить, но сдержался.

Тем временем Мунго уже расположился в ногах пленников, раскладывая на полу разные тряпочки, бутылочки, и горшочки, никак не сочетавшиеся с его серьезным видом и могучей фигурой.

– Воды и огня, – распорядился он, не оглядываясь.

Тот фулдум, что привёл его и до сих пор нерешительно стоял в дверном проёме, кивнул и исчез. Другой фулдум, сняв со стены один из коптящих факелов, застыл в ожидании дальнейших распоряжений.

– Он будет говорить? – поинтересовался Гийс, приближаясь и рассматривая острые ножи с короткими лезвиями, лопатки и всякие железные трубочки, которые Мунго извлекал из своей вместительной сумки и клал на чистое полотенце рядом с притирками.

– Если будет жить.

– Ну, ты ведь здесь именно за этим, не так ли?

– Похоже, кто-то меня опередил, – не остался в долгу лекарь. – Сейчас не помешало бы старое доброе чудо. Парень, скорее всего, загноётся. Хотите, чтобы он выкарабкался, снимите его со стены и оставьте в покое хотя бы на время...

– ... которого у нас нет, – отрезал Гийс. – Делай, что умеешь, а там посмотрим.

– С таким же успехом я могу выбросить все свои инструменты в помойку: лишняя трата лекарств. – Заметив во всей позе собеседника нешуточную угрозу, спокойно добавил: – Если есть желание поспорить, можем спуститься к Скелли.

Поймал, так поймал, подумал Тиван. Один тайно оказал главному писарю замка какую-то важную услугу, зато другой явно спас ему жизнь, когда все уж решили, что беднягу отравили насмерть. Не на того напал, выскочка!

Гийс раздражённо сделал знак сверам, и те стали с видимой неохотой, но быстро, снимать раненого со щита. Мунго терпеливо ждал. Второй пленник заметно ожил и теперь наблюдал за происходящим уже не с такой отрешённостью.

– На спину, на спину кладите, – не сдержался Мунго, завидев, что сверы собираются по привычке прислонить несчастного к стене сидя, как их учили оказывать первую помощь в походах. – Где вода? Я велел принести воду! Что ты держишь этот факел? Мне нужен не факел, а очаг, чтобы воду вскипятить. Живо!

Все забегали и засуетились.

Один Тиван продолжал восседать на стуле, ехидно поглядывая на Гийса, который, вмиг потеряв бразды правления, только ходил взад-вперед по комнате, словно не замечая ничего, кроме своих собственных мыслей.

Акир приволок откуда-то жаровню и теперь поспешно разводил под ней костер.

– Мы тут случаем не угорим? – бросил Гийс, когда по комнате поползли первые облака дыма.

– Не угорим. – Акир кивнул на факелы. – Тут хорошая вытяжка. Хотя это место и не предназначено для очагов.

– Вот и я о том же...

Воду уже принесли, и теперь Мунго разливал её по своим заветным горшочкам, ни на кого не обращая внимания. Раненый стонал на полу у его ног. Сверы, не зная, что ещё делать, разбрелись по комнате. Двое перешёптывались с Гийсом. Акир подкладывал в огонь сухие дрова, которые быстро вспыхивали, почти не давая дыма.

Тиван откинулся на спинку и почувствовал, что за это утро очень устал. Неужели стареет? Рановато ему на покой. Пока к власти рвутся такие мальчишки, кто-то должен постоянно быть поодаль и пресекать их петушинные выпады. Раньше про такое и помыслить нельзя было. Во главу угла ставились заслуги, а не услуги. Будь Тиван помоложе, он бы имел полное право воспользоваться очередной грубостью Гийса и вызвать его на открытый бой. С некоторых пор это честное выяснение отношений не приветствуется. Почему-то считается, что братьям по оружию можно позволить таить друг на друга обиду. А если они вспомнят про неё в самый неподходящий момент на поле брани и вздумают разрешить наболевший вопрос путём коварства и предательства? Разве это лучше? Вместо одного подлеца могут погибнуть невинные люди, особенно если между собой сходятся высокопоставленные военачальники, в руках которых нити многих жизней. Например, какого Тэвила они сейчас оба торчат здесь, когда за пределами замка творится невесть что? Разумеется, на крайний случай есть доверенные люди и помощники, которые прибегут с дурными вестями, но разве это дело? Каким бы противоречивым ни сделался Ракли к закату своего правления, в былые зимы он как раз отличался умением чувствовать пульс происходящего повсюду. Сейчас если кто и в состоянии это повторить, то даже не Томлин или Скирлох, уверовавшие в силу своих сбережений, а всё тот же невидимый и вечно забываемый, но всюду и всегда присутствующий Скелли...

– Скелли.

– Что? – не сразу сообразил Тиван, выходя из задумчивости.

– Сюда идёт Скелли, – повторил Гийс, причём было непонятно, говорит он это с радостью или огорчённо.

Тиван машинально поднялся на ноги, будто речь шла не о ничтожном по меркам виггера подземном черве, ползающим где-то у себя в темноте и холоде. У многих главный писарь замка вызывал противоречивые чувства. Даже те, кто получал из его рук подачки в виде упоминаний в старинных рукописях деяний их предков, чем впоследствии облегчалось получением ими титула эделя, едва ли любили его. Тиван прокашлялся. Такое создание вообще любить невозможно. В лучшем случае его побаивались. За глаза – презирали. Враги, которых Скелли плодил с той же лёгкостью, что и эделей, разве что в превосходящих количествах, его ненавидели. Тиван знал это наверняка. История с мальчишкой Сартаном, якобы попытавшимся его отравить, была случаем отнюдь не единичным. Но Скелли всякий раз оказывался слишком хитёр и скользок, чтобы его так просто отослали в объятья Квалу. Возможно, у Скелли была своя тайная договоренность с этой ненасытной повелительницей смерти. Он снабжал её жертвами обманов и козней, а она в ответ отказывалась принимать до срока его щуплое тело. Срок же был ведом только ей...

– Приятно видеть сразу столько людей занятых делом, – заговорил старичок, появляясь на пороге комнаты и окидывая присутствующих холодным взглядом огромных серых глаз. – Что хорошего слышно?

С маленького морщинистого лица его не сходила улыбка, больше смахивающая на оскал трупа, чем на проявление чувства живым человеком. Своей жизнью жили и сухие тонкие руки, которым он, казалось, не мог найти применения, и оттого они то вытягивались к несуществующим далеким предметам, то поджимались обратно, к тощему тельцу, скрытому сегодня не только длинной холщовой рубахой, но и меховой безрукавкой, какие обычно носят неприхотливые пастухи. Схожесть с большим пауком ему также придавали похожие на оборванную паутину длинные жиденькие патлы и бороденка, послушно колышущаяся при малейшем дуновении.

– Я задал вопрос, – напомнил он, как будто довольный, а вовсе не раздраженный всеобщим замешательством. – Или вы можете думать только о плохом.

– От раненого пахнет полынью, – ни с того ни с сего заговорил Мунго, продолжая орудовать со своими горшочками. – И вереском.

– И что это значит, если перевести на наш язык? – Скелли кивнул Гийсу и равнодушно принял пристальный взгляд Тивана.

– Похоже, им известен секрет вересковой настойки. Во всяком случае, другой на его месте от таких ран давно бы испустил дух, а этот, думаю, выкарабкается.

– Рад это слышать. А что за настойка?

Мунго прикрыл рану на боку пленника мокрой тряпицей и с явной неохотой выпрямился.

– Настойка вереска с полынью – хорошее средство для усиления живучести всех тканей на теле человека.

– Из этого можно сделать вывод, что перед нами всё-таки человек, – оскалился Скелли, прерывая лекаря, а Тивану показалось, что он просто-напросто заткнул ему рот. – Что удалось выяснить? – Этот вопрос уже относился к мрачно молчащим виггерам.

– Мы ждём толмачиху, – откашлялся Гийс. – Их язык нам не разобрать. – Он осёкся.

– Вон того зовут Бивой, – кивнул Мунго. – При большом желании кое-что понять можно.

– Но у него такого желания нет. – Гийс выглядел бледным и злым. Тиван хотел бы рассмеяться, однако не мог позволить себе подобной роскоши.

– Зато есть у нас, я надеюсь. – Скелли осторожно приблизился к пленнику и позволил костлявым пальцам коснуться дрожащего от холода тела. – Так ты – Бивой?

– *Аз Бивой, княжечи... Ай токи несрок Бивой животу долеч...* – И дальше последовала длинная и совершенно неразборчивая тирада.

– Про живот я, кажется, понял, – усмехнулся Скелли, поднимая палец и призывая говорящего замолчать. – Надеюсь, ваша толмачиха сможет больше. Тиван, позволь мне полюбопытствовать, почему мы проморгали появление такого скопища народу у нас под носом?

– Потому что дозорные обязанности с мергов сняли ещё позапрошлой зимой.

– Но ты ведь опытный военачальник и наверняка не торопился сложить с себя такие важные полномочия. Я неправ?

– На последнем, то есть на прошлом совете присутствующий здесь Гийс вытребовал оставшихся у меня людей себе. – Тиван пожал плечами. – Надеюсь, его объяснение толмача не потребует...

Жестоко, подумал он, но справедливо. Пусть мальчишка держит ответ. Непонятно, правда, перед кем, но зато урок ему будет хороший.

– Если вы заметили, – умело сдерживая ярость, заговорил Гийс, – они в большинстве своем передвигаются верхом, а потому превосходят лесных дикарей в скорости. Их выступление оказалось быстрым и потому неожиданным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.